

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

БЫТИЕ И ГРЕЗЫ: ПОЧЕМУ РЕАЛЬНОСТЬ - ЭТО СОН НАЯВУ?

ГИРЕНОК
ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

Лекция 1. Введение в философию.	5
1. Введение.	5
2. Галлюцинации, появление образа.	6
3. Время и человек.	6
4. Цитата.	7
5. Правила философского текста.	10
Лекция 2. Кто такой философ.	11
1. Понятие философии.	11
2. Язык и философия.	11
3. Место философии.	12
4. Рождение философии.	13
5. Ответы на вопросы аудитории.	15
Лекция 3. Протагор и Хайдеггер о бытии и времени.	17
1. Человек.	17
2. Три современных мировоззрения.	18
3. Мир Парменида.	18
4. Протагор.	19
5. Хайдеггер.	20
Лекция 4. Хайдеггер и Парменид о людях и бытии.	22
1. Введение.	22
3. Хайдеггер «Конец философии и задача мышления».	23
4. Хайдеггер и Парменид.	24
5. Парменид «О природе»	24
Лекция 5. Закат греческого мифа о бытии. Тридцать вторая строка поэмы Парменида «О природе».	27
1. О кажущихся вещах.	27
2. Незнание.	28
3. Третья часть поэмы «О природе».	29
Лекция 6. Хайдеггер и Рильке.	31
1. Вступление.	31
2. Границы человека и животного.	31
3. Сознание.	33
4. Время.	34
5. Смерть.	34
Лекция 7. Рильке о сознании человека и животных.	36

1. Вступление.	36
2. Элегия Рильке под номером 8.	36
3. Продуктивное воображение Канта.	38
4. Сознание.	41
Лекция 8. Nomo hallucinatos. Идея двойной инверсии.	43
1. Соединение воображаемого и реального. Возникновение сознания.	43
2. Пушкин «Не дай мне бог сойти с ума.»	43
3. Что делает человека человеком?	46
4. Невозможность передачи сознания.	47
Лекция 9. Сознание. Место человека в философии.	48
1. Мандельштам «И Шуберт на воде.»	48
2. Граница возможностей сознания.	48
3. Инклюзивная и эксклюзивная философия.	49
4. Вопрос о человеке.	50
5. Спор Фуко и Бадью.	51
6. Коперниканский переворот Канта	51
7. Хайдеггер совершает антикантианский поворот.	52
Лекция 10. Текст, язык, речь.	53
1. Текст	53
2. К. С. Аксаков Опыт синонимов.	53
3. Кант. Продуктивное воображение априори.	55
4. Двойная инверсия.	55
5. Речь.	55
Лекция 11. Галлюцинат. Тема видений у Полонского, Шекспира, Гете.	56
1. Что такое галлюцинат?	56
2. «Учитель музыки» Я. П. Полонского.	57
3. «Гамлет» Шекспира	59
4. «Фауст» Гете.	61

Лекция 1. Введение в философию.

1. Введение.

Вся европейская философия до последних времен занималась поисками ответов на вопрос: «что такое сущее?» Вас это не настораживает? Две с половиной тысячи лет. Как вы думаете, они занимались искусством? Нет. В европейской философии был изъян, ещё с греческих времен.

Итак с сущим покончили, а как покончили? Появилась такая фигура человека, которого звали Ницше, и он сказал: «А что за проблема – воля к власти». И все. Ответ был найден. А что делать дальше? Это все мы с вами разберем. Я вам буду читать Парменида, фрагменты. Я вам прочту позорное поражение Хайдеггера, в разговоре, в дискуссии с поэтом. Мне нравится Хайдеггер, но философия его мне не нравится., вы поймете почему. Мы все будем двигаться с вами. Я буду говорить, и я буду подтверждать. Вы можете соглашаться с этим или не соглашаться. Я буду на ваших глазах все делать, фокусов не будет. Я буду приводить тексты, ключевые фрагменты.

Они не знали, что есть такая штука, которая называется видение, галлюцинация, греза. И это составляет ту прореху, тот разрыв, в которую провалилась и исчезла вся европейская философия. Они ничего не знают и не понимают кроме того, что это животное.

Вы можете быть кем угодно, как угодно, а я буду вам рассказывать, где провалы, в чем провалы, почему провалы, чего мы не знаем. Потому что мысль этой философии очень простая. Она такая: человек – это просто животное, которое разговаривает, ну или умное животное.

Если вы почитаете Аристотеля, вы будете просто развлекаться. Например, он говорил, что человек относится к семейству, в котором два существа: человек и осел, или что-то вроде этого, потому что они домашние. Далее, к политическим существам относятся: осы, муравьи и человек тоже. И политическое имеется в виду не отношение между классами, борьба, не то как мы сейчас употребляем это слово, а в смысле – роевое, и тому подобное. Все это вы можете вычитать у него. Он будет удивляться: только государь появляется на арене цирка – слон приветствует его. Вы чувствуете? А что тут чувствовать? Дрессировка.

А как вы думаете, человек это дрессированное существо или нет? Конечно. Вас дрессируют, в том числе и в университете. Это уже окончательное отлаживание. Вас постоянно дрессируют различные институты. Детский садик, школа – это дрессировка. Социум. Вы любите социум? Вам говорят: «Вы социальное существо». Вы – асоциальное существо, это то, что я вам буду говорить. Но вам пришлось сделать то, что будет

называться социумом. А знаете как вас он дрессирует? Общество через свои институты дрессирует вас, используя язык. Язык - это кнут.

Меня можно спрашивать, останавливать и задавать вопросы. Зачем вы сюда приходите? Чтобы послушать, разобраться, подумать. Я хочу дать вам совет. Не позволяйте, чтобы в вас, без вашего на то согласия, проникало все что угодно. Если вы это позволяете, вы находитесь в ситуации дурака. Попало в тебя, в тебе живет и работает, но в вашей голове не ваше. В вашей голове должна существовать мысль, по законам вашей головы. Поэтому я говорю, что мы будем читать, разбирать все.

По моему мнению, Аристотель ничего не понимал, и вся философия ничего не понимает и сегодня. Они полагают, что стирают границы, между человеческим и нечеловеческим, говорят о постгуманизме, постчеловеке. Но до сих пор никто ничего не понял в человеке. А хотите я скажу вам, что нужно понять? Дело в том, что все существующие так называемые философии, по крайней мере западные, искали место человека. Я место не ищу, потому что этого места нет.

2. Галлюцинации, появление образа.

Человек есть не что иное, как извлечение себя из своих галлюцинаций. Где его *humanitas*? Этот *humanitas* это *hallucinations*. Галлюцинация это не ошибка, не болезнь человека, забудьте про психологию и психиатрию, это не имеет к ним никакого отношения. Это философия. Галлюцинация относится к природе. Это предельная точка всего сущего, которая превращается в не сущее.

А человек это странное существо. И как вы понимаете, грезящие существа не существуют. Мы не существуем, а грезим, но мы хитрым образом грезим. Мы единственные существа, которые могут отличить образ от вещи. Человек может быть привержен к искусству, даже не зная об этом. Как только появляется на скальную живопись, это указывает на появление того, кого называют человеком. Ключевой момент здесь в появлении образа (можно посмотреть на скальную живопись в пещерах Шове, Ласко). После этого вспомните мою мысль о том, что человек – это извлечение себя из своих галлюцинаций, из этой предельной точки. Галлюцинировать жить невозможно. Эта мысль будет руководящей идеей этого курса. Предельная точка – это там, где растворяется все сущее. Что такое Я? Я – это некое зеркало, в котором отражается все, кроме него самого. Вы знаете, что делает студент, когда заходит в аудиторию? Он становится в угол, потому что его «Я» ищет предельную точку, чтобы быть зеркалом всего сущего. Предельная точка – это там, где сущее перестает быть сущим.

3. Время и человек.

Как вы думаете, человек – это пространственное существо или временное? Думать, что пространственное – это ошибка, таким образом вы соглашаетесь с тезисом,

что человек – это животное. Но вы не понимаете почему это животное смотрит на то, чего нет, на какую-то мнимость, и поражено этим зрелищем. Человек временное существо, но я скажу больше, что времени никакого нет. Человек – это то существо, которое изобрело время, чтобы жить в нем, и соответствующим образом расширять реальность. Реальность – это сон наяву. Вы спите наяву, когда думаете. Мыслить – это погружать себя в сновидения. Часто ли мы спим наяву? Думаю, что вряд ли. Гераклит говорил: «Человек – это существо, спящее наяву». Вы знаете, что я вас сейчас погружаю в сон? То есть процесс нашей работы это погружение в сон. Живые организмы подвержены эволюционным законам, которые накладывают запреты на некоторые вещи. Запрет грезить, например. Не возможен грезящий кролик. Человек существует в поле воображаемого, более того он существо самовоздействующие, т.е. действующее на себя во времени. На другого можно действовать в пространстве, но на себя, грезящего, можно действовать во времени.

Наше «Я» не стареет. Но во времени всё превращается в тлен, всё распадается, время ничего не связывает. Только человек сам может связать что-то во времени. В этом мире есть нетленные вещи, например, человеческое «Я». В физическом мире никакого «Я» нет. «Я» это извлечение человека, это то, что позволяет хранить человеку себя во времени, вязать связи и действовать на себя во времени. Есть железное правило: лучше быть с собой во времени, чем с другим в пространстве. Но современный человек оставляет себя, забывает про себя. И это проблема. Мы поворачиваемся к себе спиной и обращаемся к миру, пытаемся вступить в мир коммуникаций. Существует правило, гласящее, что если человек легко вступает в коммуникацию с другими, то у него проблемы с самим собой. И наоборот, если есть проблемы с коммуникацией, то у человека нет проблем с собой, он развернут к себе. Содержательный, глубокий человек слишком заполнен своим содержанием, и это мешает ему встретиться с собой. А пустой человек свободен, и ему проще встретится с собой, хотя это не обязывает его встречаться с собой.

Знание вводит человека в горизонт, в опасную перспективу - знания. Эта перспектива знания делает возможным все, в том числе ложь. Что такое человек? Это его грезы, его галлюцинации, сны наяву. И это и есть вся человеческая жизнь. Она возникает и существует по каким-то иным правилам.

4. Цитата.

Я прочту вам текст и вам нужно будет понять кто его написал. Так как мы живем в России, вы прослушаете этот текст, посвященный России и русским.

«Русские — странный народ, вернее, мы не народ, а так, идея народа, и редко какой русский долетит до середины этой идеи, летит он, летит, да где-нибудь и упадет, куда-нибудь да свалится, и кабы он знал куда, кабы ведал где, а то ведь и не знает, и не

ведает, а уважения к себе требует и не со стороны ближних, а со стороны дальних, как будто вся его жизнь зависит от того, уважают ли его по ту сторону Пиренеев или не уважают. И кто знает, что было бы, если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, а прилепились бы где-нибудь к Карпатам или затерялись в муромских лесах, нас бы и не заметили. А так все-таки заметили. И дали мы что-то миру или не дали — решение этого вопроса стало второстепенным. Мы — одинокие. Нет с нами рядом никого. Мы одни, и с этим нужно считаться любому политику.

Русские – это русская идея, т. е. то, чего никогда не было и чего никогда не будет, и поэтому мы возможны как метафизическая конструкция, как спекулятивный объект, на котором записываются наши несбыточные желания. Мы их одной рукой пишем, а другой отсрочиваем, и много узоров нарисовали мы на объекте, но нет на нем одного — национального. Мы не нация, потому что, если бы мы были нацией, то мы бы не были идеей, а мы — идея и поэтому нет следов нашего эмпирического существования. Для нас Россия — это то же, что для Германии — культура или для Франции — цивилизация. Русский мыслит и чувствует не национально, а территориально, или, что то же самое, телесно, т. е. державно. Вот когда мы так мыслим и чувствуем, мы — русские, и есть что-то, что мы не можем не знать, но не сознанием, а телом, вернее, сутью тела, нутром. А кто ты там национально — это дело десятое. Вот, например, Иван Киреевский. Приехал он в Германию и видит, что все здесь хорошо. И Гегель ему руку жмет, и Шлейермахер ему улыбается.

А он капризничает и немцев дураками называет. И все ему не так, и ничто ему не мило. Киреевский был молод, а значит глуп, вернее, наивен. Он в Европе искал цельности, непосредственного и того, что внутри. А внутри у нее пусто, потому что, если бы она была не пустой, то она была глупой, т. е. у нее не было бы рациональности».

А у нее есть рациональность поэтому у нее нет души. Европейцы считают, что русские слишком содержательны, очень глубокие: если любят, так любят. Европейцы считают такую позицию невозможной: так любить нельзя, таким содержательным быть нельзя. Надо все выдавить из себя и вовне отформатировать и составит пространство культуры. А русские «раздулись» от внутреннего содержание, не производят пространства культуры.

«А за рациональность, за оформление внешнего, вернее, за мир явлений, нужно платить. Чем? Дуальностью, т. е. расколом мира на две половины, на субъект и на объект. Ну, да ладно, мир раскололи. Но человека-то зачем делить? Вот и разозлился Иван Киреевский на немцев и дубинами их назвал, а сам затем двенадцать лет у себя в деревне сидел и молчал, а потом теорию целостного человека сочинил..... Захотел как-то А. Хомяков по душам поговорить, а не с кем. Он и поехал к Шеллингу душу отвести».

В России любили Шеллинга, потому что он дал место вере. Но там задушевную беседу провести не удалось, и он вернулся домой. Киреевский, Веневитинов, Одоевский состояли в кружке Любомодров. Где, в частности, изучали работы Спинозы. В кружке утверждалось, что: «Спиноза выше всех Евангелий». Однако в последствии Киреевский переоценил свои взгляды. В дальнейшем, вслед за Псевдо-Дионисием Ареопагитом, стал утверждать, что мысль, выраженная в словах, не есть мысль. Мысль совершенна тогда, когда ее нельзя выразить словами. Отсюда один шаг до утверждения, что не язык, не речь, а молчание – адекватный способ выражения человека.

«И бьемся мы, русские, бьемся, да как рыба об лёд, все впустую, и не потому, что мы слабые, мы-то как раз сильные, а потому, что мы бедные, т. е. жалкие, нас пожалеть хочется, вернее, нам самим себя жалко. Нас еще не было, а жалость к нам уже была, мы себя уже по голове гладили. В ней-то, в жалости, мы и зародились, из нее-то мы и вылупились, и много воды с тех пор утекло, и много слов было сказано, а воз и поныне там, вообще-то время идет, но в смысле истории оно остановилось. Как застряли мы в начале истории, так там и остались в неведении, что начало — это не конец, а мы-то думали, что начало — это конец. Мы и сейчас так думаем, а все потому, что мы Град Китеж искали, по правде жили, вернее, хотели жить, т. е. думали, что есть же что-то, что тебе даром дают, ты не заслужил, а тебе дают, т. е. оно, это что, как бы само собой достается, с неба надает. И вот сидим мы и ждем, а оно (мы даже не знаем что) все не падает и не падает, то ли с ним что-то случилось, то ли у нас что-то не вышло. И это наши представления, т. е. у всех представления как представления, и связаны они с истиной, вернее, с театром, — словом, у всех истина – спектакль, а у нас она – смерть, и нет в ней ни знаков, ни значений. И когда уж мы преставимся, т. е. умрём и одновременно обнаружим себя, одному Богу известно, хотя, наверное, и ему это неизвестно, потому что, если бы ему что было известно, то он бы не удержался да и шепнул нам, что так, мол, и так, не ломайте комедию, не смешите людей, а устраивайте свою жизнь вне зависимости от того, как разрешится вопрос о правде-справедливости. А мы смешим, т. е. ломаем, вернее, бьемся, да и как нам не биться, если наша жизнь зависит от правды-истины, вернее, даже не истины, потому что истина слишком правильна, а нам эта правильность поперек горла, т. е. нам надо то, что пусть и неправильно, но зато верно. И это правда, иначе говоря, правда, то, что мы люди веры, а не истины, но не в том смысле, что мы холим и лелеем свое православие, мы его не холим и не лелеем, хотя пора его уже и холить, а в том смысле, что у нас и неправославные, как православные, т. е. они одной с нами веры и поэтому наша жизнь строится вокруг того, что существует, если к нему относятся как к чему-то действительно существующему. И поэтому-то наша жизнь верная, т. е. не потому она верная, что чему-то соответствует, она ничему не соответствует... Жаль, что не пожалели мы эту нашу жизнь верную. Пусто без Китежа. Тоскливо».

5. Правила философского текста.

Философские тексты – это тексты сознания. Для их написания и понимания необходимо пройти следующие шаги:

1. Сформулировать высказывание.
2. Договорить не выговоренное, досказать недосказанное в тексте, чтобы понять его. Когда вы читаете, вы все время досказываете.
3. Нужно схватить несказанное, сверхсказанное.

Только при реализации всех трех шагов можно считать, что вы вошли в пространство понимания. Пространство понимания необходимо создать, так же как мы создаем время. Только это позволит создать и понять философский текст.

Философия – это то, при помощи чего умное меньшинство отделяет себя от глупого большинства. Придуманное философию умное меньшинство, у которого не было места в мире. Потому умные люди всегда неуместны в мире.

Лекция 2. Кто такой философ.

1. Понятие философии.

Нам нужно философствовать, используя русский язык. Что надо сегодня? Мыслить. Надо учиться мыслить по-русски. Чем мы отличаемся от европейцев? Европейцам греческая философия добавила рациональность. И она работала в течение нескольких тысяч лет. А мы не читали «Парменидов», «Платонов», и нам не дали этой греческой рациональности. У нас есть одна книга, величайшая книга, единственная книга, которую мы перевели для нас – Библия. Конечно, это сама лучшая книга, она одна. А у них много. Поэтому нам надо мыслить, философствовать, используя наш язык. Чтение и пересказ чужих, иностранных текстов ничего нам не дает. Наша философия начиналась с комментариев к тексту Достоевского «Легенда о великом инквизиторе» Розанова, Соловьева. Для нас этот текст стал философиепорождающим. Если сейчас назвать то, чем мы будем заниматься на русском языке, но уже обработанном философствованием, то это будет звучать так: мы с вами будем заниматься иллюзивной материей нашего бытия. Это продукт моей работы. Я философствую сейчас перед вами.

Я взял слово иллюзия, но у меня есть термин галлюцинация. «Галлюцинат» – это рассказ Я.П. Полонского. Прочитайте его, у меня даже есть статья о нем. Но это слово галлюцинация ужасное, его затискали психиатры, психоаналитики. Вы же знаете, что философия – это не наука, психология – это не наука. Это нечто другое.

2. Язык и философия.

В России считают психологию наукой. Есть интервью классиков французской философии, где Мишель Фуко отвечает на вопросы Алена Бадью. В этом интервью Фуко говорит, что в Европе психология нелегитимна. Это – еще неизвестно что, это – проблема, это – некоторая форма сознания. Есть универсальная форма сознания, но западного, на нашего. Это универсальная форма другого сознания, того сознания в котором отражена жизнь европейских народов. Философия становится формой нашего сознания, когда в ней есть следы нашей жизни. Какой? Мы должны знать, как спорили между собой В. И. Иванов и М.О. Гершензон, или как спорили К. Н. Леонтьев и П. А. Флоренский, или как ошибался В.С. Соловьев. Вот такие следы, так начинается русская философия. А европейская философия – не русская, чтобы заниматься ей, я должен думать по-французски. Так все и делали. Как писал Чаадаев свои письма? По-французски. Первое сочинение В.С. Соловьева было написано по-французски, а потому уже переведено на русский. Потому по-русски, в переводе оно звучит очень грубо. А хотелось бы, чтобы мы думали, источали наш язык. Для этого и нужно думать по-русски. Не потому, что это некая особая процедура, а для того, чтобы в той речи, которой мы

философствуем, непременно были следы той жизни, которую мы прожили. Сказки, которые нам читали, фильмы, которые мы смотрели, наши сновидения. Так и в музыке и в литературе. Они со следами нашей жизни. Мы даже иногда думаем, что литература – это и есть наша философия. Но там требуется еще более тонкая работа.

Таким образом, иллюзивная материей нашего бытия, которой мы будем заниматься – это галлюцинации. Мы живем иллюзивной жизнью. Слушать лекцию – это спать наяву. Понимать – это вообще заснуть. Мыслить – это погружаться в сновидения. Чтобы понять текст – нужно хорошо знать язык, потому что когда ты говоришь, всегда есть недосказанность, то что само собой разумеется, но не проговаривается. Поэтому, чтобы понимать, надо «уже понимать». Если «уже понимания» нет, понимания не будет. «Уже понимания» может не быть, если люди читали в детстве разные сказки, смотрели разные фильмы. Философия – это то, что нас свяжет, даст это «уже понимание». Она позволяет решить трудновыговариваемые вещи. Если нет философии, то тогда, как говорил Ортега-и-Гассет, будет огромное туловище и маленькая голова, потому что философии нет. Философия – это сознательное сумасшествие.

Принято у нас думать, что философия – это рассуждения о каких-то первых основаниях. Грекам всегда казалось естественным, что все имеет основания, но эти представления были плодотворными только тогда, когда философия только зарождалась. Но что теперь? А теперь пришел конец философии. Это придумали в европейской философии, что можно бесконечно говорить о своем конце. И многие, в частности Хайдеггер, заговорили о конце философии. Что она никому не нужна сейчас, что она дряхлая. Но мы сделаем философию живой, она будет говорить на нормальном языке.

3. Место философии.

В России привыкли думать, что философия – это наука, но это ошибка. А поскольку это ошибка, ее надо исправлять. И многие ее исправляют. А как? Исправляют, добавляя к слову наука другое слово, исправляющее первое. Иногда говорят, что философия странная наука. А знание – сила. От знания проистекает польза. А от философии ничего не проистекает. От нее нет никакой пользы, потому что в ней нет никакого знания. От философии ждут всегда одно, а она всегда говорит другое, что от нее не ждут.

Философия возникает не в Греции, а в Малой Азии. В России философия возникает иначе, не в рамках философии, а в литературе. Литература – это наше начало. Кто ее делает? Маргиналы. Как обычно мы хотим жить? Примкнуть к большинству. В большинстве жить легче. Не надо мыслить. Двигаться вместе с большинством. Но философия не существует там где большинство. Там где большинство, это не

философия. Даже если это называют философией. Можно называть это другим словом, например идеологией. Философ – это прежде всего «иммигрант», «лимитчик в Москве», «гастарбайтер». Он всегда не местный. Местный привязан к традиции, у местных здешние боги. Он всегда приехал откуда-то со стороны, из другого мира. Например из Малой Азии в Грецию, как Анаксагор, которому в Афинах было ничего не мило и ничто не дорого. Для греков солнце – это бог Гелиос, а Анаксагор назвал его огненной глыбой. Понятно, что греки прогнали Анаксагора из Афин. Философ ни к чему не привязан, ничего не ценит, ко всему относится критически, все ставит под сомнение. Его не устраивают ни местные боги, ни местные традиции, ни местные власти. Философия – это всегда взгляд другого, взгляд со стороны, из иного мира. В нём, как у Гераклита, нет ни сочувствия к людям, ни сопереживания, но есть любопытство. Таким образом, если есть граница между меньшинством и большинством, то есть философия. Если мы не понимаем где эта граница, все спутано, то философия исчезает.

4. Рождение философии.

Философ – это всегда эстет. Мы можем провести эксперимент. Как вы оденетесь, пойдя на свидание? Так чтобы понравится себе или партнеру? Выбор эстета – второй вариант. Приведу другой пример. Чем отличается мужская любовь от женской? То есть, чем отличается любовь мужчины к мужчине. Сейчас вы поймете, что философия рождается во взгляде мужчины на другого мужчину. Как Алкивиад бросал взгляд на Сократа. Скажите, какую любовь вы предпочитаете? Когда твой взгляд, твое чувство растворяется в объекте, который ты любишь? Или когда объект растворяется в твоём чувстве, тебе? Второй вариант представляет собой нормальное чувство любви, а первый – эстетическое, гомосексуальное чувство.

Философ – метафизик, а философия с самого начала является потусторонним взглядом на привычное. Сократ, ученик Анаксагора – приезжего, хотя и был из местных, но вел себя как философ. То есть, как чужестранец, как посторонний, разрушая мир подручного, близкого, понятного, обжитого. Мир разрушается бесконечностью. Бесконечность – враг любой традиции. Бесконечность нельзя обжить. За это и убили Сократа, за разрушение, за наглость, за высокомерие.

Философия – это такая вещь, которая единственная помогает построить вокруг себя барьер. Сейчас мир жуткий, дует со всех сторон, несется ахинея везде. Какие-то мысли попадают в нас без нашего на то согласия. И единственное, что мы можем сделать, это отгородится с помощью чтения философских текстов. То есть, человек приобщаясь к философии, обретает больше скепсиса, взвешивает поступающую информацию. Поступающая информация будет принята человеком осознанно, не под чьим-то влиянием.

Сократа отравили, и никто не знает, оплакивала ли его Ксантиппа – его жена – или нет. Но к философии она не имеет никакого отношения, а почему? Потому что не женское это дело. Ведь философия рождается в обожающем взгляде, который бросает один мужчина на другого. Речь идет о Греции, сейчас все иначе. Философы – это люди лунного света. Есть такая книга у В.В. Розанова «Люди лунного света». У философов, людей лунного света, что они чувствуют растворяется в том, что они видят. Тогда как у всех нормальных людей, видимый мир растворяется в их чувстве.

В момент, когда философия начинает рождаться в обожающем взгляде женщины, бросаемом на мужчину, начинается деградация философии. И мужчина как Ориген, должен оскотить себя, чтобы остаться философом. По-русски «сознание» – это совесть, весть от бога. А европейское «сознание» – знание. Ориген был одним из первых христиан, христианин-пропагандист. Про него существует легенда. В тот момент существовало множество разнообразных философских и религиозных течений: гностики, манихейцы, неоплатоники. Ориген, побоявшись искушения, оскотил себя. После этого он стал самым плодовитым христианским писателем, но какой ценой.

Появление в православном храме иконостаса. Есть несколько возможных версий его появления. Возможно, для того, чтобы не отвлекать служителей видом прихожан. Возможно потому, что это место, где происходит символическое превращение. Символическое – это не знаковое, а реальное. Это значит, ты должен вывести себя из состояния в котором ты есть, перевести в состояние, в котором ты не часто бываешь, быть вне себя. Человек – это мистериальное существо. И он перестает быть таковым, если ведет себя как зритель, а не как участник. Когда ты смотришь, ты не участвуешь. Смысл мистерии в том, чтобы сделать ее реальностью, но мы так плохо работаем с собой, что не доводим себя до нужного состояния, мы как бы вне его. И мы наблюдаем как зрители в театре, что не правильно.

Если взгляд обожания бросает на женщину мужчина, то от этого взгляда рождается не философия, а дети. Обожание между женщинами ни к чему не ведет, в нем ничего не рождается, кроме техники овладения телом, но овладеть техникой не значит совершить поступок. Философия – это поступок. Поступать, значит самого себя класть в основание цепочек причины действий. Только маргиналы могут представлять философию как личностный акт, как поступок. Ибо только они, вступая в конфликт с традицией, могут класть себя в основание причинных цепей. Традиция – это что-то, что работает в тебе, но отсчитывается не от тебя. И если философия – это поступок, то философ – это не какой-то профессор, а киник или юродивый. То есть, твоя философия – это твоя жизнь, твое поведение, а не замещаемая должность. А это значит, что в пространстве философии пульсирует асоциальная по своей природе энергия, заставляющая философа выходить за пределы, переступать нормы, то есть быть социальным преступником. Философ – это всегда «преступить». Философ всегда в

меньшинстве, а лучше всего – одиночка, анакорет, поэтому с ним невозможно общаться. В этом смысле, философия является социально приемлемым видом интеллектуально юродства.

Если провести эксперимент и целый день говорить окружающим только правду, вне зависимости от их реакции, то можно получить кинический опыт. Ложь является условием коммуникации. Если у человека есть смыслы, если он понял что-то, ему коммуникация не нужна. Коммуникация нужна тому, у кого нет смысла, полностью или частично, и коммуникацией он пытается его восполнить. Человеку, у которого есть смысл, нечем обмениваться с окружающими. Кто понял, тот не коммуницирует, а кто коммуницирует, тот не понял.

Теория лжи от итальянского писателя, «создателя» Муссолини. Лгать нагло, так чтобы сразу никто не поверил. Люди любят привирать, но это не правильно. Должна быть невероятная ложь. Ложь должна быть длительной и уверенной. Через десять лет, все точно поверят. Не нужно бояться крови.

Киник Антисфен говорил что лучше быть животным, чем человеком. А так же лучше быть варваром, чем эллином. Сегодня философ – это не философ, а так, устроитель перформансов. Современные философы существуют за пределами философии. То есть, мы имеем двойной разрыв в виде философии без философов и философов без философии. Обычно философ полагается в качестве мыслителя. Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник. Философы-мыслители, говорит Хайдеггер, называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии. Я говорю, мыслить – значить погружаться в сновидения. А мыслитель – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: «Что это?»

5. Ответы на вопросы аудитории.

Вопрос: Почему противник мысли это разум, рассудок?

Ответ: Это язык немецкой философии. Здесь под разумом имеется в виду логика, логос. Чем он отвратителен? Вы же помните, что сейчас подняли бунт против логоса. Мы не с логосом. Логос превратился в логистику, доставку товара из Китая потребителям. Здесь другое. Когда я сказал, что ученые не мыслят, я процитировал Хайдеггера. Его спрашивали в последних интервью, о том как жить. Он предложил подождать когда придут философы, 200-300 лет и они придут и найдут новый язык. Потому, что язык, на котором говорила западная философия, умер. А мы все еще говорим на нем.

Вопрос: Вы предложили попробовать прожить день, говоря только правду. У меня вопрос, вы делали акцент на «говорить» или на «правду»?

Ответ: Я говорил, говорить правду. Мысль начинается только тогда, когда она не выразима в слове.

Вопрос: Тогда неужели ваша задача не решается просто молчанием?

Ответ: Так она решается у исихастов, которые утверждают, что мы не можем говорить о боге с помощью языка, на котором говорим об обычных вещах. Таким образом, путь к богу в молчании. Бог не есть то, что есть у вас.

Вопрос: Является ли молчание другим языком, которым можно выразить те вещи, которые нельзя выразить словами?

Ответ: Да, но это божественный язык. Но у человека есть только человеческий язык.

Вопрос: Почему мы тогда не можем говорить просто на апофатическом языке?

Ответ: Апофатика – это не язык. Есть катафатика – это положительное утверждение, а апофатика – негативное. В апофатике все сущее становится материалом негации, отрицания. Люди могут говорить о том, что есть. О том, чего нет, нельзя говорить. А я вас научу говорить о том, чего нет. И мы здесь будем заниматься иллюзивной материей нашего бытия. Мы будем говорить на языке, на котором никто не говорит, потому что мы будем говорить о том, чего нет.

Лекция 3. Протогор и Хайдеггер о бытии и времени.

1. Человек.

Человек – это странное существо, которое возникает и существует только лишь на изломе, у края пропасти. Человек – это существо, которое имеет дело с тем, чего нет. И это единственное существо, боюсь, что вообще сингулярное. То есть, никогда не было во вселенной и никогда не будет. Человек – это такое существо, к которому «не ведет никакой лестницы», ни правил, ни законов. Это существо, у которого главное в жизни – взрыв галлюцинаций.

Галлюцинация – это не свойство человека, не проявление его болезни. Галлюцинации изобрела природа. Галлюцинация – это бытие, тождественное мысли о бытии. Галлюцинация – это не бытие, которое дано нам в ощущениях. Но кто такие «мы»? «Мы» – это тоже галлюцинация, нас нет. Что такое «Я»? Это небытие, которое нам дано в самоощущениях. Ребенок – это «взрывчатое вещество», это плазма, это самоаффлектирующее существо. Преподаватель – это рефлексирующее «я». Между этой самоаффлектирующей самостью и рефлексирующим «я» дистанция в огромную пропасть, в целый мир.

Недостаток всех существующих антропологий мира в том, что они думают, что человек – это некоторое дискретно выделенное тело. Я говорю: «нет». Гегель говорил, что труп – это человек, за которым осталась жизнь, была и ушла. И это так, в том числе жизнь человеческая. Есть ведь и труп животного. Они тоже могут умирать, хотя у них нет смерти. А у человека есть смерть.

Для человека места нет нигде. Он обретает его, когда сваливается в ничто, в небытие. И научается с ним работать. Это и есть галлюцинации. Впервые это происходит, на мой взгляд, тогда, когда появляется наскальная живопись. Тогда человек был переполнен галлюцинациями. Сейчас мы больше похожи на дрессированных. Быть профессионалом – значит быть дрессированным. Быть малотворческим.

В тот момент, когда появляется наскальная живопись, здесь рождается человек. Извлекает себя из своих галлюцинаций. Из того, чего нет. И мы – то, чего нет. У человека всегда есть опасность перепутать то, что есть, с тем, чего нет. Но человек никогда не исчерпывается тем, что есть. Человек всегда больше, чем он есть, больше, чем сущее, больше, чем его протяженность в пространстве. Человек связан с тем, что не имеет протяженности. Для нас важна мысль, образ, мечта, надежда, цель. Этого нет в пространстве. Это способ, которым мы на себя воздействуем тогда, когда мы падаем в пропасть, которая называется небытие. Галлюцинации – это состояние, когда нас

переполняет небытие. Люди, создававшие наскальные рисунки, впервые смогли нацарапать, нарисовать, объективировать, вытащить из себя это небытие, чтобы освободиться от него.

Как вы думаете, человек – это часть природы или природа – часть человека? Природа – это часть человека. Поймите эту гигантскую ошибку. Все ищут место человека в природе, а его там нет. Это природа «изобрела» галлюцинации. Но она не грезит, она не галлюцинирует. Мы галлюцинируем. Человек – единственное сингулярное существо, которое может быть переполнено небытием. Галлюцинация – это то, в чем мир исчез и все исчезло. Это предельная точка.

Человеку обязательно нужно быть одному. Если человек никогда не бывает один с собой наедине, он никогда не сможет встретиться с собой. И никогда не сможет говорить от своего имени. Перестанет быть человеком. Человек всегда больше, чем один. Не речь, а молчание – адекватный способ существования. Если вы мало молчите, то вы исходите словами, то вы исчерпанный ресурс. Социальность губит человека, дрессирует. Язык – это кнут.

2. Три современных мировоззрения.

На сегодняшний день существует три взгляда на мир:

1. Новый материализм и основанный на нем концепт деантропологизации мира, вычеркивания человека. Который предполагает, что в основании мира лежит бытие.
2. Дигитальная философия и принадлежащая ей идея цифровизации мира. Это концепция исходит из того, что основой мира является число.
3. Сингулярная философия усматривает в основании всего мира галлюцинацию.

3. Мир Парменида.

Сегодня мы еще живем в мире Парменида, то есть мира, основанного на бытии. Сущего много, а бытие одно, и это нам позволяет быть в этом мире и не утонуть в нем. Бытие не делится на запад и восток, север и юг. В нем нет ни верха, ни низа. В нем всё едино. Что это нам дает? Устойчивость. Так думал Спиноза. Но какой ценой достигается эта устойчивость? Она дается нам ценой отказа от времени. Бытие не нуждается во времени. Невозможно сказать про бытие, что оно было или что оно будет. Единственное,

что оно может – это быть. Причем непрерывно быть. Это настоящее, которому не предшествует прошлое, и настоящее, которое не предваряет будущее. Это состояние, в котором пребывают дети. Им еще предстоит изобрести время. Они смогут его придумать, когда в них взорвутся галлюцинации. Или произойдет значительное событие и появиться время. А эта точка интенсивности поделит его на то, что было, и то, что будет.

Бытие просто есть. Оно непрерывно длится в моменте, в котором нет смены состояний. Это наше обычное состояние. Мы как дети, как плазма. Мы вне времени. Что мы теряем, если теряем время? Мы теряем самих себя. У нас невозможно самоощущение. Когда есть самоощущение, есть время. Есть время – есть самоощущение.

Если мы соединим бытие и время, мы потеряем и бытие и время. Ибо быть – значит не быть в следующий момент времени, а быть, как скажет Парменид, не рядом. Если бытие есть, то оно есть только у бога, ибо у него нет времени.

4. Протагор.

Но кто учреждает время? Откуда оно берется? На этот вопрос отвечает Протагор. «Человек есть мера всех вещей, сущих, что они существуют, несущих, что они не существуют». Здесь есть два слова: сущее и несущее. Но несущего нет. Мы можем говорить о том, что есть. Говорить о том, чего нет, нельзя. Что мы делаем с тем, чего нет? Мы его ощущаем. Бытие говорим, небытие ощущаем. Небытие нам дано. Все, что существует, нам не дано. Что Протагор сказал этим? «Поскольку человек есть мера и сущего, и несущего, постольку он существует во времени». То есть он учредил время. Значит, время – это свойство сознательной жизни человека. Но это время нельзя соотносить с бытием. Если мы будем его соотносить с бытием, то мы потеряем всеединство и получим относительность всего сущего. Кто соединил бытие со временем? Хайдеггер.

Мысль Протагора оспаривает Хайдеггер. Вместо вышеуказанного распространенного перевода мысли Протагора он решил перевести его сообразно греческому мышлению. Если сейчас пытаться мыслить сообразно греческому мышлению, это смешно. Ни мы, ни современные греки не имеют к древним грекам никакого отношения. Это другой мир. Философия возникла в Древней Греции, там она и осталась. Еще средние века имеют приблизительное отношение к древним грекам. Даже римская философия уже не такая, как греческая философия. В Древнем Риме важнее ритор. Его речь. Сказать важнее, чем помыслить.

5. Хайдеггер.

Перевод Хайдеггера слов Протагора. «Для всех вещей, (то есть всего того, что человек имеет в пользовании, в употреблении и постоянном обиходе), человек (каждый, конкретный) является мерой — для присутствующих (пребывающих), что они присутствуют (пребывают) так как, они присутствуют (пребывают). А для тех, которым отказано в присутствии, что они не присутствуют».

Протагор говорит, что человек есть мера всех вещей. По-русски я бы сказал, что человек учреждает реальность. Все, что называется вещами, зависит от этого зыбкого существования. Нет его, ничего нет. То есть вы имеете дело с галлюцинацией. Весь мир – это галлюцинация. Все сгорит, как говорил Гераклит. В начале 20 века уже были эмпириокритицисты, говорившие, что материя исчезла. Я тоже говорю, что она исчезла. Это галлюцинация. Вы привыкли, что реальность уже есть, а у человека появляется чувство реальности. Я говорю, что все наоборот. Чувство реальности предшествует любой реальности. Как самоощущения предваряют «я» человека. Если нет чувства реальности, то не будет никакой реальности.

Только у того, кто больше, чем он есть, кто никогда не один, кто больше того, что есть сущее, только у того может возникнуть мышление. Потому что мышление – это воображение, галлюцинирование. Мысли вообще нет. Логика лжет, а что говорит правду? Абсурд. Говорят, что человек разумен. Но сколько к этому разуму нужно было проделать шагов! Дрессировать человека, чтобы засыпать этот абсурд, но в нем же и утонуть в итоге.

Протагор говорит, что человек – мера всех вещей. У него это предельно и понятно. Но Хайдеггер хитро переводит это. Он говорит: «для всех вещей», но тут же делает исключение, открывает скобки и поясняет, каких именно всех, тем самым уже ограничивая их. То есть в этот момент вас дураят. Он поясняет: «то есть всего того, что человек имеет в пользовании, употреблении и постоянном обиходе». То есть он ограничивает круг тех вещей, мерой которых является человек. Но и определяя человека, он открывает скобки и дает пояснение: «каждый, конкретный». У каждого конкретного человека свой круг вещей в обиходе. Обиход у каждого свой, не совпадающий с другими. Когда Хайдеггер говорит про каждого конкретного человека, он замыкает этого человека в рамки сущего. Но человеку нужно еще и небытие, иначе человека не будет. Он не сможет учреждать, творить. Человек может творить новое из небытия.

Западная философия не занимается человеком, а, как говорил Сартр, занимается человеческой реальностью. Не самим человеком, а редуцируют его до предметов,

которые его окружают. Нет бога, а есть святыни. Одна из проблем этой философии состоит в том, что она деантропологизирует, устраняет человека.

В философии определять что-то неприлично. В математике или в логике можно давать определения, но не в философии. Современный мир дурацкий. Мне говорят, что нужны термины и определения, что нужно меньше метафор, что нужно задавать меньше вопросов. От вас будут требовать работу алгоритма или робота. Я говорю, что если в вашем тексте нет одной или двух ключевых метафор, выкиньте ваш текст. Мысль обитает в том доме, где метафора. Но в журнале не захотят видеть ваши метафоры, им нужны определения и термины. То есть они хотят, чтобы текст был абсолютно пустым. Если хотите опубликовать свой текст, то чем больше он опустошен, тем лучше. Если будете претендовать хоть на какую-то мыслишку, у вас будут проблемы.

Этот «каждый, конкретный является мерой — для присутствующих, что они присутствуют, а для отсутствующих, что они отсутствуют.» Здесь все не так. Хайдеггер не может помыслить человека. Он думает, что это некое Dasein (бытие) которое существует. Я говорю, что это человек галлюцинирует. Вот что меня не устраивает в переводе Хайдеггера. Дальше у него появится бытие. Оно будет ограничивать и учреждать человека. То есть человек понадобится только для того, чтобы сказать слово «бытие». Я считаю, что это чепуха. Пусть они эту философию возьмут себе. А мы будем работать на этом изломе: всякий человек есть больше, чем он есть. То есть падает иногда в небытие. И эти падения и составляют всю его жизнь. Все, что у него есть, а не сущее, составляет его жизнь.

Лекция 4. Хайдеггер и Парменид о людях и бытии.

1. Введение.

Что такое искусство? Это небытие, данное в ощущениях. Человеческое «Я» – это то, что дано человеку в самоощущениях. Это то, к чему не применимо слово «существовать». «Я» не существует. «Я» дано в самоощущения только конкретному человеку и больше никому. Закончилась эпоха философии существования, бытия. Человек сам себя извлекает из своих галлюцинаций. Экзистенциалисты говорили о человеке, заброшенном в мир. Но если перестать говорить о человеке на языке сущего, то можно сказать, что человек уже был в мире, и он был выброшен оттуда силой взрыва, галлюцинаций, иллюзий. Разум слеп. Мы учреждаем себя из ничего и мир свой из ничего. Все наше существование иллюзорно. Галлюцинация отделяет нас от животного мира. Галлюцинация – странное создание природы. Это разрыв природы. Это то, в чем природа перестает быть. Но там, где перестает быть природа, начинается человек. Тело – это наше обременение, но оно нам нравится.

На прошлой лекции мы рассмотрели прочтение идей Протагора Хайдеггером. Я думаю, что Протагор – это не человек сущего. Он говорил, что человек – это мера сущего. А Хайдеггер по-другому перевел его слова. Он называет человека мерой только для того, что человек имеет в пользовании, употреблении и постоянном обиходе.

2. Парменид

Сегодня мы рассмотрим то, как Хайдеггер прочитывал Парменида. Парменид делает иные выводы, нежели Протагор. Протагор говорит: «что кажется, то и есть». Парменид говорит, что есть чистое бытие и ничего, кроме бытия. Бытие нельзя делить, у него нет ни верха, ни низа. Единственное, с чем бытие можно сопоставить – с мыслью. Мысль придает бытию смысл, а бытие придает мысли существование. Поэтому бытие и мысль о бытии – это одно и то же.

Сейчас мы обсуждаем закат греческого мифа о бытии. Все ученые ограничены сущим. Сейчас мы действуем не как ученые. Сейчас мы ловим небытие, которое дано нам в ощущениях, в самоощущениях. Одно из описаний человека у Декарта: Человек – пловец в лодке. При этом лодка – это тело человека. Для того, чтобы заметить нарушения в своем теле, нужно посмотреть извне, как ученый. Исследовать и установить это, получить знания. Тело не дано тебе в ощущениях.

Я же, напротив, говорю о том, что человек чувствует. Он должен чувствовать свое тело. Если же он перестает чувствовать какую-то его часть, то эта часть перестает быть

его телом. Если человек перестает чувствовать свое «я», то оно перестанет быть им. Человеку его «я» дано в его самоощущении. Если отрезать самоощущения, то «я» исчезнет. Тоже происходит, когда человек опустошается. Поэтому я призываю вас опустошаться. Чтобы встретиться с тем, что дано тебе твоими ощущениями. Если человек не опустошен, наполнен, то он не сможет увидеть себя. Для этого нужно быть одиноким. Одиночество – это адекватный способ существования нормального человека. Это тяжело, так как в одиночестве человек может встретиться с собой. Возможно, будут еще препятствия, и эта встреча не произойдет. Но она возможна. Радости в этом никакой нет. Но тогда может появиться возможность говорить от своего имени.

Слово «существование» – очень опасное. Слово «реальность» еще опасней. Любой реальности предшествует чувство реальности. Человек – единственное существо, обладающее чувством реальности. Реальность неотделима от чувства реальности.

3. Хайдеггер «Конец философии и задача мышления».

В этой книге Хайдеггер говорит о завершении европейской философии. При этом слово завершение греческого мифа о бытии означает не выполнение предначертанного когда-то изначальными философами пути, а отклонение от него. Если западная философия есть философия бытия, то отклонение от его пути есть забвение бытия. Я предлагаю вам забыть, предать забвению. Открыть себя для нового, для небытия. Пусть оно предаст забвению в нас то, что мы когда-то называли бытие. Вопрос ни в том, почему есть что-то. Что то есть, потому есть «я», как мера вещей по Протагору. Никакого «что-то» нет, вещей нет. Мы учреждаем наш мир и все вещи в нем.

«Закат можно мыслить и постигать только перед лицом Начала». Нас интересует небытие или иллюзия. Почему? Сартр в своей книге «Бытие и ничто» говорит, что гниение в мире – это работает ничто. Как сгнившее яблоко. Нет. Это не то ничто. Нас не это ничто интересует. Нас не интересует причина гниения яблок.

Хайдеггер, говоря о конце европейской философии, поясняет, что закат преодолит только тогда, когда нас спасает какое-то новое начало. Разочаровавшись в философии, он обращается к поэзии, в частности, к Рильке. В чем Хайдеггер видит новое начало? Не в поэзии Рильке, а в фундаментальной онтологии. В фундаментальном «есть». Хайдеггер дискредитировал поэзию Рильке, назвав «ее биологической метафизикой», а также «видом потерпевшего неудачу христианства».

4. Хайдеггер и Парменид.

Согласно М. Хайдеггеру, остаются непомысленными те слова, которые были обращены к Пармениду в его поэме «О природе». Вот эти слова в переводе Хайдеггера: «Но надлежит тебе узнать все: как несокрытости благооужное, бестрепетное сердце, так и мнения смертных, в которых недостает достоверности несокрытого». Последнее означает то, что люди частенько привирают. Ведь ложь – условие коммуникации. Одни меньше, другие больше. Самые умные лгут нагло. Они и приходят к власти.

Хайдеггер выделяет в этих словах образ круга и идею несокрытости. Круг ничего не скрывает. Он все открывает, и в этом его благо. В чем смысл идеи несокрытость? В том, что истина принадлежит вещам. И эта истина открыта. Открыта для кого? Если для человека, то надо объяснить, почему не для всего сущего. Если для всего сущего, то нужно признать несущественность самого вопроса об истине. Идея несокрытости делает излишним существования антропологической границы. Во всяком случае, границы между человеком и животным. Не все открыто, есть границы. А Парменид стирает границы в мире сущего и объединяет все бытие.

Хайдеггер не обратил внимание на строку, обозначенную Германом Дильсом номером 32: «Так и мнения смертных, в которых недостает достоверности несокрытого». Как возможно не обращать внимания на смертных, если ты живешь среди них и сам такой же? Как смертный может не обращать внимания на то, что думают и говорят смертные?

Парменид столкнулся с такой проблемой: тайна сокрытого или истина открытого. Что выбрать? Парменид должен был познать помимо несокрытости еще и то, что сокрыто в мнениях людей. Что же это такое? Это мотивы действия смертных, принужденных жить в условиях того, что им не все открыто. Действуя вслепую, наугад. Если истина – Алетейя, то человеку нужны знания, а не воля. Если истина – мистерия, то нужны не знания, а воля. Греки отдали предпочтение знаниям, а не воле. Они не знали воли. Они полагали, что спутанность понятий можно легко распутать. Они не знали, что если человек совершает зло, то делает он это по злой воле. Он хочет зла.

5. Парменид «О природе»

А в тайне скрытого всегда есть какая-то абсолютная истина. Хайдеггера не интересуют мнения смертных. Между тем, Пармениду было рекомендовано богиней истины, несмотря на то, что он странствовал путем дальним от троп человеческих, познать и мнения смертного люда. Хайдеггер уклонился от выполнения этих божественных рекомендаций. В русском переводе поэмы Парменида «О природе»

говорится об этом подробнее, нежели в переводе М. Хайдеггера. Вот первый вариант в переводе Л. В. Гаспарова:

«Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,

Все проникая насквозь, убедительны виделись людям».

Что мы услышали? Эти строки я использую против Хайдеггера. Он их никак не комментирует, потому что это противоречит его позиции, не вписывается в его философию. Что такое мнимость? Добро, зло, красота – это все мнимость. То, чего нет, но существует, если хочешь, чтобы оно было. В мире всегда есть такая сторона, которая существует только лишь потому, что мы хотим, чтобы она была. Но то, что хочет один человек, не хочет другой. Эта сторона держится не на причинах, а на воле, на желании, на учреждении. Когда мы что-то учреждаем и даем этому статус вещи.

Вторая часть поэмы Парменида, которая начинается с 32-й строчки, поясняет, как правдоподобно говорить о мнимости, которая видится людям.

«Слово тебе изреку — склони же внимание слуха! –

Слово о том, какие пути предлежат разысканью.

Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не быть – невозможно!»

Если не быть невозможно, то это означает, что человек невозможен. Или это означает, что человек – это животное и ничем от него не отличается. Греки думали именно так.

«Это — путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.

Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть — непременно!»

Моя концепция чуть сложнее. Я не накладываю запрет на «есть». У меня есть причина двух инверсий – галлюцинацию. Она проводит черту, позволяет отделить то, что есть, от того, чего нет.

«Этот путь — так я говорю — уводит в незнание»

Мы можем говорить о том, что есть. Вы ученые потому что говорите о том что есть. О том что есть можно говорить на языке истины.

«Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,

Ни об этом сказать»

То есть знать это невозможно. Поэтому важно отличать то, что дано от того, что существует. «Я» дано человеку, поэтому оно не существует. Поэтому не следует применять к нему язык истины. Он подходит только для того, что существует. Искусство и мораль так же не находятся в области существующего. Там, где есть человек, всегда есть какая-то мораль, какое-то искусство. Человек всегда больше, чем он есть. Он всегда больше, чем один.

Парменид: «То, что есть, есть в пространстве, то, чего нет, кажется во времени.» Если мир – это пространство и время, то в этом мире все случайно и все преходяще. Мы ничего не можем знать о нем. Нам всегда что-то будет в нём казаться. Тем самым мы потеряем путь к очевидному. Кроме того, этот путь уводит, как он говорит, нас в незнание. То, что не есть, нельзя добавлять к тому, что есть. Если мы помыслим мир во времени, то от открытости истины нужно будет раз и навсегда отказаться. Если я соединяю мир со временем, то я мыслю мир во времени. А это значит, я его мыслю в качестве того, чего нет. Следовательно, я не следую правилу, установленному Парменидом.

Но как называется знаменитая книга Хайдеггера? «Бытие и время». Немецкие классические философы и частности Гегель соединяет бытие и ничто. Так в мифе об Иксионе и Нефеле, где от связи человека и облака рождается кентавр – двусоставное существо. Так и соединение «бытие и ничто» невозможно, с точки зрения греков. Парменид говорил, что единственное, что есть – это протяженность. Но времени точно нет. Времени нет, потому что есть человек. Человек – это тот, кто изобретает время. Человек живет во времени. Природа живет в вечности, и хоть ее представители и умирают, у них смерти нет. У человека смерть есть. Он живет во времени, и за это надо платить. Когда человек рождается, у него есть время, но в этом времени нет прошлого и будущего, только непрерывно длящееся настоящее.

Лекция 5. Закат греческого мифа о бытии. Тридцать вторая строка поэмы Парменида «О природе».

1. О кажущихся вещах.

В тридцать второй строке поэмы Парменида «О природе» в переводе Лебедева сказано: «Как о кажущихся вещах нам надо говорить правдоподобно, обсуждая их всех в совокупности». Здесь все важно. Я добавлю, что нет ничего, кроме кажущихся вещей. Кажущаяся вещь или призрак существует, если мы ее воспринимаем как вещь. А если мы призрак воспринимаем как призрака, то он перестает быть таковым. Призраки рассеять невозможно.

Человек, в отличие от животных, живет не в природе. Он живет в картине мира. То есть в культуре, социуме, мифе. И вне этого человек невозможен. Человек хочет рассеять иллюзии и прорваться к реальности. Но реальности никакой нет, есть лишь чувство реальности. Это чувство есть только у человека. Радикальная философия, высказывая какую-то мысль, доводит ее до предельной точки. Предельная точка – это то место, где пропадает реальность. В небытии. В галлюцинации.

Хайдеггер не стал комментировать эту строку. Время – свойство сознательной жизни человека. Люди существуют в мире протяженности.

Эта строка в переводе Л. В. Гаспарова:

«Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,

Все проникая насквозь, убедительны виделись людям».

В переводе Лебедева:

«Как о кажущихся вещах нам надо говорить правдоподобно»

Это значит, если ты живешь в кажущемся мире, в мире «кажимости» надо научиться говорить правильно. Не на языке истины он подходит для мира вещей. А в мире кажимости надо говорить правдоподобно, обсуждая их все в совокупности. Парменид тут предлагает забыть о времени. Человек – единственное существо, которое живет во времени. Человек – временное существо. И в той мере, в какой он временное существо, в той мере он человек, а не животное. Парменид утверждал, что нужно мыслить бытие вне времени. Но человек не может мыслить вне времени. Ему мешает его

язык. Язык сдерживает человека от движения к небытию, грезам, так как язык человека пространственно-временной. Язык мешает и путает. Иногда нужно вступать в борьбу с языком, только нужно знать, когда.

Человек – это усилие по извлечению себя из своих галлюцинаций. То есть усилия, труд обязательны. Это воздействие на себя во времени. Цель воздействия – ты сам. Время – это свойство сознательной жизни. Сознание – это свойство жизни во времени. Это отличает нас от животных. Во времени человек учится жить под воздействием социума. Ребенок, рождаясь, живет в непрерывно длящемся времени. Ребенок, в отличие от взрослого – это некая самоаффлектирующая самость, плазма. Взрослый – это говорящее «Я». Что такое «Я»? Это небытие, данное тебе в твоих самоощущениях. Это выработанная манера жизни во времени.

В чем революция Платона? Если мы на кажимость смотрим как на вещь, она существует. Если кажимость воспринимаем как кажимость – ее нет. Человек, как ученый считает, что все кажимости, видимости, иллюзии он может рассеять. И жить в настоящем, реальном мире. Нет. Человек живет и умирает в картине мира, в мифе. Потому что только в нем у человека есть смерть. У животных смерти нет, хоть они и умирают. Дети – бессмертные. Они живут в непрерывно длящемся времени. То есть во времени без смены состояний. Без завтра, всегда сегодня. Взрослых язык все время ставит в рефлексивную позицию. Потом, по мере взросления, его приучают ко времени. У каждого есть так называемый внутренний мир, основанный на этом времени. Парменид отменяет время. Времени нет, а есть Бытие и Мысль.

2. Незнание.

«Слово тебе изреку — склони же внимание слуха! –

Слово о том, какие пути предлежат разысканью.

Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не быть – невозможно!»»

То есть небытие невозможно. Это тот язык, на котором можно говорить об истине.

«Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть — непременность!»»

Этот путь уводит в незнание. Я вас увожу в незнание. Мы ничего не знаем. Почему у человека есть театр, а у тараканов или пчел театра нет. Что такое театр? У театра должна быть вторая сторона. Не реальность, а условность. Чтобы понимать, что происходит в театре, у нас уже должно быть какое-то сознание, которое позволит понять,

что происходящее относится к воображаемой иллюзорной стороне. Только в этом случае театр имеет смысл. Театр – это не стулья. Также и с любым искусством. Например с живописью. Квадрат Малевича – философское произведение. Это граница продвижения в то, из чего мы делаем все, что нас окружает. Добро, зло и другие.

«Этот путь — так я говорю — уводит в незнание»

То, как мы привыкли добывать знания – это относится к природе. Это очень ограниченная сфера. Весь понятийный аппарат, слова, язык и все остальное к этому приурочено. Чтобы понять, что есть человек и как он существует во времени, должен быть создан другой язык и понятийный аппарат. Это же говорил Хайдеггер в своем последнем интервью о необходимости нового языка. Об этом же говорил Кант, когда он писал работу на премию Берлинской академии наук.

Онтология имеет смысл только в отношении онтологии природы, но субъективности. Не сверхчувственных вещей. Здесь проходит предел. Что за ним, западная философия не знает. Западная философия соединяет бытие и ничто, бытие и время. Таким образом, нарушаются запреты, выставленные Парменидом. Парменид пытался понять, что такое человек, и вся эта стратегия выражена в тридцать второй строке поэмы «О природе».

3. Третья часть поэмы «О природе».

В третьей части поэмы «О природе» Парменид говорит:

«Мыслить и быть – не одно ли и тоже?»

Что означает это выражение? В «Пармениде» Хайдеггер не поделился своими соображениями по этому поводу. Посмотрим, что Парменид говорит дальше. Чтобы он навел нас на то, что он хочет сказать.

«Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно,»

А что на уме неотрывно? То, что не рядом. Есть, по крайней мере два варианта: рядом и не рядом. Далеко. И мысль неотрывно о нем. Это перевод Лебедева. Это лучший историк философии у нас в стране сейчас.

«Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным».

То есть уму не отделить того, что есть, от того, что есть. Невозможно отделить сущее от сущего. Бытие их связывает. Оно одно, у него нет ни верха, ни низа. Это то, что позволяет удерживать все сущее, как в цепи. Нас объединяет пространство, в котором мы находимся. Но перцептивный мир у нас разный. Я смотрю на вас, а вы на меня. В вашем мире есть я, но нет вас. В моем мире есть вы, но нет меня. У нас разные миры. И апперцепция нужна для восполнения слепых пятен. Восполнения отсутствия меня в моем перцептивном мире и вас в вашем. Сенсориум – это чувства, посредством которых даны нам вещи.

Так как животные – часть мира, внутри которого они живут, у них нет перцепций, образов. Они не выстраивают в поле образа свое движение. Для это надо «представлять», то есть «ставить перед собой». А для этого нужно, чтобы тебя выбросила какая-то сила из этого мира. Эта сила – взрыв галлюцинаций. Что такое спектакль? Это представление. Любая теория – это представление.

«Мыслить и быть – не одно ли и тоже?» Что дает бытие мысли? Существование. А мысль дает бытию смысл. В итоге бытие и мысль о бытии – это одно и тоже. Здесь говорится, что мысль только о том, что есть. Нельзя мыслить о том, чего нет. Но если бытие и мысль о бытии – одно и тоже, следовательно, бытие – это галлюцинация. Потому что галлюцинация – это бытие, тождественное мысли о бытии.

Нужно обратиться к тому, что нельзя знать, о чем нельзя построить знания. Оказывается, это важнее, чем то, что мы знаем о природе. Нужно обратиться к самому себе. Узнать кто ты.

Сознание – это странное свойство. Это привилегия. Наличие мозга еще не гарантирует сознания. Человек отличается вторым сенсориумом. Это чувство себя, чувство реальности и чувство времени. Эти чувства непреходящий атрибут. У животных нет чувства реальности. Животные не живут в картине мира. В картине мира живет только тот, кто галлюцинирует. А галлюцинирует только тот, у кого есть свойство жить во времени. В наскальной живописи проявляется чувство реальности у того, кто столкнулся с мнимостью.

Неприлично давать определение тому, для чего определения нет. Аристотель говорит, что есть воспитанное сознание. Оно знает, что можно определять и что нельзя. И есть невоспитанное сознание, которое спрашивает.

Лекция 6. Хайдеггер и Рильке.

1. Вступление.

Мыслить – это погружаться в сновидения. Потому профессорам свойственна рассеянность. Это связано с тем, что мы говорим с собой. Погружаясь в сновидения, мы говорим с собой. Так происходит процесс мышления. В Новом времени наука наложила бремя на человека. Научное знание скрывает человека от самого себя.

Парменид приравнивал бытие к мысли о бытии. По Пармениду, «времени» и «ничто» нет. Единственное, что есть – это «бытие». Я это бытие называю галлюцинацией или иллюзией, в соответствии с принципом тождества бытия и мышления Парменида.

Римская философия и тем более философия Нового времени не имеет никакого отношения к греческой. Не смотря на кажущуюся связь. Начиная с эпохи Возрождения происходит абсолютный разрыв. Поэтому сейчас «не работают» постулаты Парменида. Такие как: нельзя мыслить бытие во времени, нельзя отождествлять бытие и ничто. Я считаю, что мы не имеем отношения к миру, в котором живем. Мы относимся к миру несуществования. Человек отличается от животных тем, что он галлюцинирует. Природа не галлюцинирует. Хотя галлюцинация – это изобретение природы. Но это ее разрыв. Это то, в чем она перестает быть природой и где появляется человек. У существа, расписывающего пещеру в палеолите, происходит взрыв галлюцинаций, инверсия. Оно становится человеком. Человек – это странное существо, которое это использовало и превратило эту иллюзию в свой мир, в котором теперь живет. Мы называем это по-разному: культура, искусство, социум. Но мы считаем галлюцинации болезнью. Хотя что-то является социально приемлемым. Например, чувства возможны, но не слишком сильные. Разрушить себя можно, разрушив органику. Тем самым уничтожая саму возможность. Таким образом мы отходим от пределов, от пропасти. Но подойдет ли природа еще раз к пределу неизвестно.

2. Границы человека и животного.

Хайдеггер читает Рильке и обнаруживает у него и обнаруживает у него философию, не совместимую с его фундаментальной онтологией. То есть существует бытие и сущее, и они различны. Вначале мы расскажем об этой несовместимости, а затем прочтем восьмую «Дуинскую Элегию» Рильке. Хайдеггер отождествил, растворил, расчленил человека в бытии. И он должен извлечь, сгустить и вытащить его оттуда. По моему мнению, он должен бытие превратить в галлюцинацию, чтобы его вытащить. Но он этого не сделает, и это плохо. Поэтому Хайдеггеру было неинтересно узнавать, чем человек отличается от животного, ибо и то и другое относится к региону сущего. А

Рильке придерживается идеи о непреодолимых границах между человеком и животным. Так же думали и Кант, и Гегель. Кант первым поставил вопрос: что есть человек? В античной философии человек не противопоставлялся животному. Он понимался как животное, владеющее словом. Об этом свидетельствует «История животных» Аристотеля. Христиане называли человека «венцом творений» Бога. Почему «венцом»? Потому что человек разумен. Философия Нового времени понимает человека как субъекта, как то, что лежит в основе сущего. Хотя не во всякой философии Нового времени человек является субъектом. Например, у Карла Маркса субъект – это капитал. Что делает Рильке в своей поэзии? Он меняет систему координат, т. е. рассматривает человека и животное в их отношении к природе. Что делает Рильке в своей поэзии? Он меняет систему координат, то есть рассматривает человека и животное в их отношении к природе.

Когда Кант впервые ставил вопрос о человеке, он ставил вопрос о человеке вообще. Что такое человек? Какое он занимает место? Кант рассматривает человека не в биологической систематике организмов. Но и не в христианской парадигме, как она описана у Псевдо-Дионисия Ареопагита. Где все население небесное располагается от бога до человека. Это все коррелирует с неоплатониками, предложившими идею эманации и понимающими ее, как нисходящее движение, «истечение от верховного светоча». Кант же задается вопросом: кто такой человек сам по себе?

Животное лучше приспособлено к жизни в природе, чем человек. Но человек лучше приспособлен к жизни во времени. Человек – временное существо. Человек находится там, где природа заканчивается и начинается человеческое, т. е. на ее краю. Почему? Потому что человек прикован к самому себе, смотрит внутрь своей самости. Что у него внутри? Грезы. Человек подчиняет себя своим грезам. Что это значит? Это значит, что сознание выводит человека за пределы опыта, природы. До Рильке считалось, что разумное выше неразумного. А в его поэзии все стало пониматься наоборот: неразумное выше разумного по отношению к жизни в природе. А это значит, что разумное не является сущим среди других сущих в природе. Тем самым Рильке разрушил концепт сущего Хайдеггера. Хайдеггер пытался переинтерпретировать сказанное Рильке, «подчинить» его поэзию. Он пытался сделать поэзию Рильке производной от своей философии. Произошла, как скажет Хайдеггер, «иерархическая перестановка человека и животного... в ракурсе того, каковы возможности обоих видов "живых существ" по отношению к "открытому"».

Рильке говорит, что животное и человек не составляют вместе природу. Человек грезит и поэтому вне природы. Хайдеггер держится античного понимания природы: и то и другое понимается как сущее. Хайдеггер ориентируется на начало западного мышления, Рильке – на его завершение. Для Рильке человек – не картезианский субъект. Не то, что может быть, как у Ницше или Шопенгауэра, объяснено исходя из сущности

животного, а то, чьи очи погружены в самого себя. Погрузиться в самого себя — значит извлекать себя из времени своих галлюцинаций, грезить, а не смотреть на внешнее. Человек относится к природе не потому, что он субъект, а потому, что он вне природы. Быть вне природы — значит быть открытым для воздействия предметов, существующих только во времени. Так мы открываемся тому, что может воздействовать на нас во времени. Так мы сами можем воздействовать на себя во времени. И одновременно быть закрытым для внешних предметов. То есть если исток действий человека – внешняя причина, то он и есть животные.

3. Сознание.

Напор предметов внутреннего мира влечет к образам, к сознанию. Галлюцинация — это и есть раскрывающее себя в человеке время. Рильке связал человека с галлюцинациями. Хайдеггер связал бытие со словом. Не слово, а греза выводит человека за пределы биологического. Человек всегда стоит в открывающей сознание проекции внутреннего, проекции грезы. Человек исключен временем из сферы открытости пространственного, то есть бытия. И никакие попытки исправить это положение посредством соединения бытия и времени не могут. Животное включено пространством в открытое природы. Человек смотрит на природу со стороны сознания. У субъекта – рефлексированное сознание предметов. У человека – галлюцинации. Галлюцинация — это не бессознательный напор влечений, как думал Фрейд. Бессознательное никогда не станет сознанием, ибо оно уже не сознание.

О чем говорит Рильке? Человек — мыслящее, но не разумное существо. Все полагают, что человек изначально разумен. Рильке считал человека только мыслящим существом. Человек еще только может стать разумным. Это еще не решено. Кто не был во тьме, тому не нужно слово, язык. Кто не грезит, тот не говорит. Есть вещи, которые можно только увидеть, но не помыслить. Это в том числе касается и кантианской философии. Она связана с восприятиями. Человек нуждается в восприятиях материи. Мы зрители своего внутреннего. Слова нам нужны не для того, чтобы говорить о природе. Она нам была открыта, а мы закрыли ее. И тогда мы должны говорить о том, что «не природа». О том, что мы учредим и к чему будем относиться как к тому, что есть. А язык будет нас тянуть. Он будет говорить: Будьте ближе к земле, я ваша реальность. Он не даст вам «взлететь».

Слова нам дают себя и Бога. Хайдеггер пишет: «Животное же никогда ни единым глазом не видит открытое» Но оно (животное) открыто природе. Там нет слов. Там слова не нужны. И в этом его преимущество. Там переставлены акценты. Сейчас пойдет борьба между ними за то, что кому открыто и что для кого закрыто.

4. Время.

Поэт говорит о том, что человека распирают его созерцания. Того, что во времени, но не того, что в пространстве. (Воспринимаем мы то, что происходит извне. Созерцаем то, что внутри нас.) Рильке наводит в них порядок, который вновь рушится. Рильке говорит, что животные живут в вечности. У них нет времени. У человека есть время, но нет вечности. У человека есть смерть. А у животных нет смерти. Они умирают, но умирают в вечности. Они живут в пространстве, которое им открыто. Для них нет ничего скрытого. У них нет ничего такого, что было бы ими не завершено. Человек сталкивается в своей жизни с непроницаемостью от него скрытого. У животных нет непроницаемого. Люди умирают, не завершив начатое. Они видят начало, но не видят конца. Или наоборот, мы видим завершение, не увидев его начала. Животные так не живут. Задачу завершения мы передаем следующим поколениям. Для кого есть смерть? Для того, у кого есть сознание. Что отсюда следует? Что открытие временности делает человека конечным. Открытие времени — это открытие предметов, существующих только во времени. Кто открывает эти предметы? Человек. Но Хайдеггер отказывает человеку в праве быть причиной существования предметов времени. Он отказывает человеку в способности самому себе давать законы, т. е. в свободе. Человек для него распорядитель свободы и времени, но не учредитель. То есть Хайдеггер говорит, что свобода учреждается бытием. Человек – только исполнитель, распорядитель. У Рильке учредитель – человек. Нет времени – значит, нет нас. Нет нас – значит, нет времени и бытия. Сознание – это способ жизни во времени. А время – это свойство сознательной жизни людей.

5. Смерть.

У Рильке животное открытое. У него нет сознания, а значит, нет и сознания смерти. Рильке пишет, что у животных смерти нет. Животное, умирая, идет в космическую вечность, как растворившийся сахар в стакане чая. Но есть существо, которое не может раствориться в космосе, ибо оно не из космоса. Мы не можем раствориться в том, из чего мы не сделаны. Потому что мы сделаны из того, чего нет.

Хайдеггер читает Рильке и говорит, что Рильке ориентируется на нововременные представления о субъекте, который все сущее ставит перед собой как объект. Чем Рильке отличается от Хайдеггера? Рильке говорит: Животные открыты космосу. Человек закрыт в своей самости. Что говорит Хайдеггер? Он говорит: Животное закрыто со всех сторон сущим. Человек открыт космосу, то есть бытию. Почему человек открыт? Потому что у него есть слово. С точки зрения Рильке, человек закрыт и принужден вести аутистический образ жизни. Человек – это прежде всего аутистическое существо, а не космическое. Он замкнут на себя, то есть он не часть мира. То, посредством чего

существует человеческое, относится к миру. Но человеческое к миру не относится. Хайдеггер полагает, что Рильке не понимает, что человек, как животное, следует от сущего к сущему, и так до бесконечности. «Сущее движется вперед и продвигается к сущему. Только такое продвижение, говорит Хайдеггер, есть. Но оно есть только при забвении самого «есть» и его сущности». Чтобы забывать, нужно что-то помнить. Помнить о том, что есть – это не свойство сущего.

Теперь процитируем элегию Рильке под номером 8. Перевод № 1:

Вся тварь земная множеством очей
глядит в открытый мир. Лишь наши очи
погружены всегда в самих себя
и вольный мир не видят из капкана.
О том, что там творится, нам твердит
лишь облик зверя: малого ребенка
мы уклоним с пути и детский взор
насильно обратим назад, подале
от той открытости, что нам видна
в очах звериных, смерти не подвластных.

Лекция 7. Рильке о сознании человека и животных.

1. Вступление.

Человек – странное существо. Существо временное. Существует двойной путь. Первый вариант это когда человек думает, что есть мир с подготовленным каждому местом. Займет человек свое или чужое место, уже не столь важно. Второй вариант, когда человека не забросили в мир, как думали экзистенциалисты, а тебя вытолкнули из него. Выталкивающую силу я называю взрыв галлюцинаций. И тогда человек начинает их небытия делать что-то. Искусство это небытие, данное нам в ощущениях. Человек попадает в мир образов. И один из первых результатов этого – наскальная живопись. Человек это художник, он рисует свою жизнь. Искусство неотъемлемо. Так же как неотъемлемы наши грезы. Когда человек грезит, у него появляется сознание, потому что он осваивает время. Человек выброшен из мира и он может относиться к миру и к себе. То есть учреждать себя так. Это зыбкая тема. И зыбким тут становится все. Что становится реальностью? То к чему человек относится как к реальности. Тогда чувство реальности предваряет реальность. Социум и язык нужны человеку для того, чтобы вернуть его в мир. Вернуть человека самому себе. Язык – это реальность. Чем ближе человек к реальности, тем меньше в нем человеческого. Чем ближе человек к природе, тем меньше грез. Если человек хочет преуспеть в социуме, у него нет проблем с коммуникацией, то у него проблемы с самим собой. Либо наоборот, у человека нет проблем с собой, но у него проблемы с коммуникацией в обществе. Человек может вернуться к реальности из мира воображаемого, умерев.

2. Элегия Рильке под номером 8.

«Вся тварь земная множеством очей
глядит в открытый мир. Лишь наши очи
погружены всегда в самих себя
и вольный мир не видят из капкана.»

Я говорю тоже, только по-другому. Мы, в отличие от животных, смотрим в себя, а не во внешний мир.

«О том, что там творится, нам твердит

лишь облик зверя: малого ребенка

мы уклоним с пути и детский взор

насилъно обратим назад, подале»

О том, что там твориться, мы не знаем. Не знаем, потому что мы слепые. Мы галлюцинируем. Мы не можем не галлюцинировать. Но мы уже отличаемся от художника палеолита. Мы объявили галлюцинации болезнью человека. Есть социально приемлемые и есть неприемлемые, асоциальные. У нас уже появился социум и язык. Ребенок – это особое состояние. Каждый ребенок гениален. Потому что он исчерпывается галлюцинациями. Это самоаффектирующая самость. А взрослый – это рефлексивное я. И между ними бесконечность. Ребенок живет в непрерывно длащемся настоящем. А взрослый живет во времени. Взрослые – временные существа, потому что воздействуем на себя во времени. Цель, надежда, тоска – все это воздействие на себя во времени. Взрослые ребенка приучают ко времени. У взрослых время организовано наоборот. Мы мыслим, когда погружаемся в сон, а когда мы бодрствуем, мы не мыслим. Мы называем сном то время, когда мы спим. А бодрствование называем то время, когда мы собираем себя из рассеяния и готовы реализовать какую-то цель. Ребенок этого не понимает. Рефлектирующее я – это убогое, ограниченное существо. У него почти нет времени, чтобы заглядывать в себя. Это те, кто не могут идентифицировать себя с целым. Взрослые дрессируют детей. Ломают их, чтобы приучить ко времени.

«от той открытости, что нам видна

в очах звериных, смерти не подвластных.»

Как я уже говорил, у животных смерти нет, хоть они и умирают. А у человека смерть есть благодаря сознанию. Мы либо живем, либо мы сознаем. И каждый решает эту проблему для себя сам.

Теперь приведем этот фрагмент в том виде, в каком его цитирует Хайдеггер.
Перевод № 2:

Во все глаза взирает тварь

В открытое. Лишь наши очи

Обращены вовнутрь, мы в них ее поймали,

Как в западню, закрыв свободный выход.

То, что снаружи, знаем мы

По одному лишь лику зверя.

Свободный перевод.

«Лишь нам знакома смерть. Но вольный зверь,

как прошлое, давно отринул гибель,»

У нас, у человека есть смерть. Но животные не умирают. Они и есть этот мир. Они живут в вечности. Человек не живет в вечности. Он как фантом, как дыхание.

«и если он умрет, то в вечный мир

он перейдет, как осушенный кладезь.

От нас укрыто, скрыто навсегда

то чистое пространство...»

Чистое пространство – это пространство безвременья. Оно без призраков, а значит, и без человека. А призраки нам даны только лишь потому, что мы живем во времени. Призрак – это то, что показывает себя тем, что он не есть. Но одновременно чистое пространство – это не пространство красоты. Потому что красота субъективна, ее учреждает человек.

«то чистое пространство, где цветы

незримо расцветают.»

Эти цветы расцветают для нас. Пока мы будем живы, они будут расцветать.

3. Продуктивное воображение Канта.

«Видим мир,

но мы неявленным обделены,

нездешним и ничем не охраненным,

той чистотой, которую мы дышим,

забыв желанья.»

Что такое желание? Простой вариант ответа: желать – это хотеть. Но это не верно. Западная философия полагает, что человек – это его желания. Суть человека в желаниях. В этом есть правда, но вот какая. Желание не следует понимать так, как понимает их Ницше. Желание – это то, что я хочу. Потому что это путь, который ведет в мир животных. Понимать желание следует как желание учредить. Если обратиться к работам Канта «Критика способности суждения» и «Критику практического разума», то там можно найти именно это. Если вы прочитаете Делеза, там найдете отвратительное материалистическое желание.

Кант единственный в западной философии задал вопрос: Что есть человек? И даже заявил во Введении в логику, что это и есть вся философия. Я считаю, что вся философия сводится к ответу на вопрос: Что есть человек. Над Кантом смеялись Ницше, Хайдеггер, утверждая, что подобный взгляд ведет к субъективности. А Кант был прав. Больше ничего интересного в мире нет.

Когда мы говорим, что человек разумен, мы не понимаем, что мы говорим. Человек слеп, потому что его разум слепой. А разум слепой потому что он выходит за пределы опыта. Мы цепляемся за опыт. Опыт это не перебор объектов. Это извлечение чего-то на свет сознания. Разум выходит за пределы опыта. Разум слепой. И мы в этой жизни много делаем вслепую.

В философии Канта существует такой оборот. Продуктивное воображение априори. Это значит, что когда вы что-то знаете, в вас непременно присутствует априорное (доопытное) знание. Это и есть воображение – галлюцинирование. Слепой разум – это работа продуктивного воображения вслепую. Продуктивное воображение действует как сон. Оно хватается разные вещи и события вслепую и соединяет что угодно с чем угодно. Так же делает и разум.

«Ею грезит часто
дитя, когда баюкают его, —

но лишь до пробужденья. Или смертник.

На грани смерти мы не видим смерть»

До пробужденья – это значит до сознания, до того, как освоит язык. На грани смерти мы не видим смерть. Мы видим жизнь. Мы живы.

«и дерзко смотрим за предел, как звери.

Любовники, когда любимый им

не застит взора, смотрят изумленно:

что брезжит им порой, как бы ошибкой,

из-за плеча любимого?..Но дальше»

Любимый закрывает мир, полагая, что он и есть мир для влюбленного. Или единственная калитка, ведущая в него.

«из-за плеча любимого?..Но дальше

никто не видит, возвращаясь в мир.

Лицом всегда обращены к творенью,

свободы отблеск видя только в нем,

мы сами застим этот отблеск. Зверь

глядит сквозь нас безмолвно и спокойно

Судьбой зовется это: быть вблизи,

вблизи, вблизи — и в вечном отдалении.»

Когда мы смотрим на зверя, на природу, мы не видим ее свободы. Хотя животное действует в соответствии со своей природой. Только у человека нет этой природы. Мы действуем в соответствии с тем, что мы в себе утвердим. Это ни то, что даруется

человеку. Это то, что человеком учреждено. Человеческое не существует как вещь. Нельзя сказать, что мы есть, но нельзя сказать и того, что нас нет.

4. Сознание.

«Судьбой зовется это: быть вблизи,
вблизи, вблизи — и в вечном отдалении.

Когда бы был сознанием наделен
спокойный зверь,»

Человек часто убегает от сознания. Когда человек растерян, пребывает как будто в тумане. Значит, у него недостаточно сознания. Человеку в таком случае необходима защита от чужого влияния. Сознание человека – это барьер для того, кто желает проникнуть человека без его согласия.

«Когда бы был сознанием наделен
спокойный зверь, идущий нам навстречу
своей дорогой, — он бы нас увлек
с собой иным путем. Но бытие
его неизмеримо, непостижно,
и чистый взор в себя не обращен.

Где мы — грядущее, он видит все,
себя — во всем, и чует исцеленье.»

«И вечер, как фарфор,
разбит летучей мыши трепетаньем.
Но мы лишь созерцать обречены

и видеть все, но видеть безучастно!
Мир полнит нас. Мы все приводим в строй.
Все рушится. И рушимся мы сами.
Кто нашу суть так омрачил, что мы,
как ни бунтуй, похожи неизменно
на уходящего? Как он, взойдя
на холм высокий, на родные доли
в последний раз глядит, и медлит, ждет,
вот так и мы живем, всегда прощаясь.»

Перевод №2:

«Но мы же — зрители всегда,
Везде во всем и никогда вовне!
Нас распирает. Мы вершим порядок.
Он рушится. Мы вновь его вершим.
И сами распадается.»

Вот два разных перевода. Обратите внимание на фразу. «И рушимся мы сами.» У нас достаточно сознание для бытовых действий. Но это лишь остатки бывшего сознания. Для того чтобы наше сознание перестало быть мерцающим и туманным, мы идентифицируемся. Например становимся частью группы или элементом какого-то целого. Бойтесь простых вариантов в подобных решениях.

Лекция 8. Homo hallucinatos. Идея двойной инверсии.

1. Соединение воображаемого и реального. Возникновение сознания.

Человек – это извлечение себя из своих галлюцинаций. Человек – мыслящее, но не разумное существо. Человек – мыслящее, но безумное существо. Разум – это то, к чему человек только может прийти. А может и не прийти. У меня есть два аргумента. Это наскальная живопись и речь, но не язык. Театр, наука, живопись, поэзия, речь – это все объединено по определенному признаку. Эти явления не имеют отношения к реальному. Они относятся к воображаемому. К тому, чего нет. К тому, что нужно вообразить. Эти явления соединяют воображаемое и реальность. Так театр соединяет их в игре актера. Так же и речь. Говорить – это значит соединять воображаемое и реальное. Или это соединять воображаемое и язык. Язык – это вещь, материя. Все дело в соединении. Соединяя, мы придаем смыслы. Так и художник создавая работу, переполнен галлюцинациями. Они разрывают его на части. И чтобы избавиться от боли, он вымещает ее в свою произведение. Потому что мозг не различает нарисованное и реальное. Ему не нужно различать это для выживания. Для человеческой деятельности нужно сознание.

Бессознательное – это наш язык. Язык встает на место сознания. Родитель не может передать ребенку свое сознание. Может передать только фантазии родителей, выраженные в языке. Ребенку же необходимо соединить язык и воображаемое, чтобы у него появилось сознание. И человек в течение всей жизни пребывает среди образов. Это и есть наше сознание. Передать сознание невозможно. Каждый раз для возникновения сознания необходимо проделать работу. Если ее не проделать, сознание заместит язык. Все в мире настроено против появления у человека сознания. Это всегда преодоление.

2. Пушкин «Не дай мне бог сойти с ума.»

В 1833 г. Пушкин написал стихотворение, в котором он ввел в русскую литературу тему человеческого безумия.

«Не дай мне бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума;

Нет, легче труд и глад.»

Конечно, мы соглашаемся с Пушкиным. Кому же хочется терять голову. Мы без нее никак не можем. Но дело не в голове, а в сознании. Она нам нужна во всякое время. Без нее мы, как без рук, ничего не можем сделать. Но в следующих строчках Пушкин оставляет ход наших мыслей. И у него появляется какой-то скепсис по отношению к уму.

«Не то, чтоб разумом моим

Я дорожил; не то, чтоб с ним

Расстаться был не рад:»

Дело не в уме, – разъясняет нам Пушкин. С ним можно было бы и расстаться. Ведь он нужен не нам, а другому. Почему? А другой воспитывает наш ум. Для чего? Для того, чтобы мы повиновались, были послушны другому. А еще он нужен для того, чтобы мы могли сделать какую-нибудь глупость и задним числом оправдать себя. Но что за причины лежат в основе его перемены ума? Почему он был бы даже рад избавиться от ума?

«Когда б оставили меня

На воле, как бы резво я

Пустился в темный лес!

Я пел бы в пламенном бреду,

Я забывался бы в чаду

Нестройных, чудных грез.

Нет, человек навсегда член общества

И я б заслушивался волн,

И я глядел бы, счастья полн,

В пустые небеса;

И силен, волен был бы я,

Как вихорь, роющий поля,

Ломающий леса.»

Эта воля приобретается ценой сознания. Никто никогда не сможет передать сознание. Сознание – это эфир, которой создан трудами человека. Человек слеп, его ослепляют галлюцинации. Наука основана на воображении. Наука – это путешествие в воображаемое в надежде вернуться в мир с истиной. То есть ум лишает нас воли. Сознание обременяет. Он заставляет нас жить по воле общества. С оглядкой на других. Мысль – это то, что возникает тогда, когда я говорю с самим собой. Истина рождается не в споре, а в твоём разговоре с самим собой.

На воле нельзя жить по воле ума, сознания. Животные свободны от этого. А человек закабален. Поэтому человек мечтает о свободе, а животные не мечтают. Они уже свободны. У них есть руководитель – инстинкт и колея.

Итак, по своей воле Пушкин покинул бы Петербург и убежал бы в дебри, в темные леса и пел. Поэт не может петь, будучи в рассудке. Человек не может любить, будучи в рассудке. Человек вообще ничего не может, будучи в рассудке. Но социум требует, чтобы он был в рассудке. Чтобы что-то мочь, человеку нужны чувства. В чувствах рождается все. И это все присваивает себе рассудок. Чувства придуманы нами для того, чтобы в них рождалось то, что мы хотим. Мир, смыслы. Мысли отдельно от чувства не существует.

Память постоянно, говорит кто мы и где мы, что мы можем и что мы не можем делать. Что нам дает забвение, грезы. «Но вот беда, – говорит Пушкин, — пока мы люди, все это невозможно». Потому что он понимал, что каждый из нас является членом социального общества. А общество – это дрессировщик человека. И его кнут – это язык. В поэзии нет языка.

Да вот беда: сойди с ума,

И страшен будешь как чума,

Как раз тебя запрут,

Посадят на цепь дурака

И сквозь решетку как зверка

Дразнить тебя придут.

3. Что делает человека человеком?

Проблема исследования человека состоит в том, что до сих пор не очень понятно, что делает человека человеком. Не ясно, как понимать *humanitas* человека. Если мы решим, что важную роль в формировании *humanitas* играет труд, то нам придется объяснять, откуда взялись цели, без которых деятельность не имеет смысла.

Если мы укажем на язык, как на *humanitas* и будем настаивать на языковом характере человеческого в человеке, то нам придется объяснить не языковой характер воображаемого. То есть объяснить природу того, что называют сегодня образом.

Полагая важной цифровую природу человека, нам нужно будет смириться с исчезновением внешнего и внутреннего в существовании человека, потому что в числе мы сталкиваемся со схлопыванием различия между субъективным и объективным. Полный ряд следствий из этого события сегодня еще трудно обозрим. Станет ли человек ближе к природе. И не удалиться ли он в силу этой близости окончательно от самого себя. Отвечая на этот вопрос, нужно иметь в виду, что нет причин для существования человека в мире. Есть много причин для его несуществования.

Если мы предположим, что человек живет в мире вещей, то совершенно непонятно, зачем ему в этом мире искусство, музыка, театр, наука. Жить можно и без этих артефактов. Между философией и наукой сейчас сложились странные отношения. Философия говорит, что причина сознания находится в самом сознании и путь к нему лежит через самопознание человека. Наука уверяет нас, что причина сознания лежит вне сознания. И путь к нему лежит через познание мозговых нейродинамических структур. И само сознание есть ни что иное, как нейронная гиперсеть.

Для того чтобы увидеть перспективы существования нечеловеческой антропологии, нужно заранее составить представление о границе возможностей сознания и одновременно просчитать следствия так называемого открытия бессознательного. Определяя человека как биосоциальное существо, мы учреждаем гибридное существо кентавра, приписывая человеку две сущности – биологическую и социальную. Но человек – это либо одно, либо другое. Ни одна сущность, говорит Аристотель в «Метафизике», не состоит из сущностей. Поэтому нам придется либо согласиться с тем, что у человека нет никакой сущности и искать ее не надо. Либо, наоборот, удвоить усилия по поискам его не гибридной сущности.

4. Невозможность передачи сознания.

Мы все пытаемся что-то передать. Люди конечны. Мы умираем с нашим сознанием. Но сознание мы передать не можем. Сейчас принято считать, что все можно передать с помощью языка. Все можно записать. Ознакомиться со значениями. Это называется обучение. Но люди странные существа. У них есть чувства. Независимо ни от чего. И язык здесь ни причем. У них есть чувства только лишь потому, что они галлюцинируют. Есть чувство реальности. Это не от языка. Язык не может подсказать, что реально, а что нет. Это чувство в человеке в той мере, которой он галлюцинирует. Человек слеп. И вслепую соединяет случайные вещи. И вслепую комбинируя их, получает какие-то результаты. Это может быть живопись или поэзия. У каждого свое. И это вслепую дает человеку ум. Как слепой человек становится зрячим не понятно. Как неразумный человек, то есть грезящий, становится разумным, то есть рассудочным, но без сознания. В этот момент человек убивает свои галлюцинации. Он становится слишком рассудочным.

Но у человека есть чувства, которые его спасают, потому что чувства рождают мир. Чувства нужны для того, чтобы мог появиться объект. Для того, чтобы они могли мнимость превратить в реальное. Для того, чтобы они могли передать предикат существования тому, чего нет. Но человек полагает, как что-то существует. Каждый из нас в поле этих чувств. Каждый из нас учредитель.

Сознание мы не можем передать, так как это не вещь. Сознание – это привилегия немногих. Носителей сознания, то есть гениев, насчитали лишь триста или четыреста за всю историю. Мы лишь причастны к их сознанию. Но это не избавляет от того, чтобы сочинять заново свое сознание. Каждый должен это делать. Соединять свое воображаемое со своим языком.

Лекция 9. Сознание. Место человека в философии.

1. Мандельштам «И Шуберт на воде.»

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме,

И Гёте, свищущий на вьющейся тропе,

И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,

Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шепот

И в бездревесности кружились листья,

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты.

Между наукой и философией сложились странные отношения. Философия говорит, что причина сознания находится в самом познании. И путь к нему лежит через самопознание человека. Наука нас уверяет, что причина сознания лежит вне сознания. И путь к нему лежит через познание мозговых нейродинамических структур. И само сознание есть не что иное, как нейронная сеть.

2. Граница возможностей сознания.

Я рассказываю о философии, которая проводит ясную черту. Философии, которая отделяет человека от животного. Для того чтобы увидеть перспективы существования нечеловеческой антропологии, нужно заранее составить представление о границе возможностей сознания и одновременно просчитать следствия так называемого открытия бессознательного. Определяя человека как биосоциальное существо, мы учреждаем гибридное существо кентавра, приписывая человеку две сущности – биологическую и социальную. Но человек – это либо одно, либо другое. Ни одна сущность, говорит Аристотель в «Метафизике», не состоит из сущностей. Поэтому нам придется либо согласиться с тем, что у человека нет никакой сущности и искать ее не надо. Либо, наоборот, удвоить усилия по поискам его не гибридной сущности. Я

склоняюсь к первому варианту. К тому, что у человека нет никакой сущности. Потому что человек – временное существо.

Разработка современных систем с элементами искусственного интеллекта только обостряет сегодня проблему понимания феномена человека. Для того чтобы говорить об интеллекте, нужно уже понимать, почему природа не нуждается в сознании. И почему ей достаточно того, что называют органическим интеллектом. Или это понимание не важно, и мы можем обойтись без него? Но тогда непременно возникнет другой вопрос: каким способом мы будем отличать искусственный интеллект от органического. Даже если мы найдем основания для такого различия, нам все равно нужно будет объяснить себе, а что же это такое, этот странный человеческий интеллект. Для того чтобы разрешить все эти проблемы, нам нужно изменить сам режим представления о человеке.

3. Инклюзивная и эксклюзивная философия.

Для этого мы будем говорить об инклюзивной философии и об эксклюзивной. То есть философии, включающей и исключающей. Сейчас массовая философия, включающая все: и человека, и животных. Это плохая философия. Не имеющая ничего общего с гуманизмом. Я же сторонник философии, четко видящей черту между человеком и животным. Где же проходит эта черта? Человека от животных отличают галлюцинации. Галлюцинация – это предел того, что есть. Это то, чего нет. Галлюцинация – это материя, из которой сознание делает само себя. Человек есть извлечение себя из своих галлюцинаций. Мы извлекаем себя не из сознания. Это извлечение – это и есть пребывание во времени. А пребывание во времени – это есть одновременное пребывание в мире галлюцинаций. Галлюцинация вас всегда отсылает к моменту, к тому, что случается в данный момент. То есть к нулю. Сознание отсылает к будущему. К прошлому отсылают призраки. Но все это связано. Время – это внутреннее чувство, то есть чувство, рождающее объекты грез и галлюцинаций. Когда человек начинает грезить, он галлюцинирует. Когда он начинает понимать, он галлюцинирует. Когда человек начинает думать, он впадает в сновидения. То, что мы называем бодрствованием, это и есть сон. Потому что когда мы мыслим, мы погружаемся в сновидения. А в остальное время мы спим. Потому чтобы что-то понимать, надо уже что-то понять. Это понимание должно случиться в тебе до опыта.

Мы живем во времени. Если не будет времени, станет не возможно чувство. Точнее у нас будут только чувства первого порядка. Парменид говорил, что нужно мыслить бытие вне времени. Но люди привыкли мыслить бытие во времени, поэтому они всегда ошибаются. Они всегда слепые. Ибо мыслить небытие нельзя. Но мы мыслим. Мы его чувствуем. Что такое искусство. Это искусство воспринимать небытие. Любое искусство это обращение к воображаемому, то есть к небытию. И это ничто нам дано в

наших самоощущениях. Мы без этого жить не можем. Греки думали, что говорить можно только о том, что есть.

Хотя единичные вещи тоже существуют, но единичное само по себе не мыслимо, не сказуемо. Мыслимо общее. Единственное, с чем можно связать бытие, – это мысль. Согласно Пармениду, бытие тождественно мысли о бытии. Это и есть галлюцинация. Парменид в этом тождестве открыл пространство мысли вообще. Не человеческой мысли. И бытия вообще. Не человеческого. И это плохо. Это есть этот страшный антиантропологизм всей западной культуры.

4. Вопрос о человеке.

Поскольку, согласно Пармениду, человек есть сущее среди сущего, постольку он мыслится как то, что есть, и таким, какой он есть. А это значит, вопрос о человеке зависит от ответа на вопрос: что есть бытие. То есть человек не важен. Он тоже животное. То есть человек был поставлен в ряд других вещей. Сегодня надо от этого избавляться. То есть прочертить черту между человеком и животным.

Парменид полагал, что бытие дает мысли существование, мысль дает бытию осмысленность. Человек ничего не дает ни бытию, ни мысли. Протагор был не согласен с Парменидом, полагая, что человек есть мера того, что существует, и мера того, что не существует. Но его не послушали, и античная философия пошла по пути Парменида. А Протагора назвали софистом.

Чтобы сегодня изменить способ мышления о человеке, нужно исходить из того, что вопрос о бытии зависит от ответа на вопрос: что есть человек. Не вопрос о человеке зависит от вопроса о бытии. Существо всей философии – человек. Это существо непонятное. Оно самое важное. И единственное, что требует разъяснения. Ближайшим следствием хода такой мысли является вывод о том, что человек всегда больше того, что он есть. Любой из нас всегда больше того, что он есть. Потому что мы всегда погружаем мир и себя в то, чего нет. Даже наше «я» есть призрак. Так как человек больше, чем он есть, его нельзя описать в терминах существования. Сущность его найти невозможно. Потому что для этого нужно понять, какие в нас складываются образы. Каковы объекты наших грез. Какие галлюцинации. О чем мы думаем, мечтаем, грезим. Получается, ты то, о чем ты мечтаешь. Человек – это его грезы.

Человек всегда больше того, что он есть. Потому что если бы человек исчерпывался тем, что он есть, то для этого было бы достаточно просто тела и нескольких овестественных животных галлюцинаций. Цвет, запах и слух. Если же человеку нельзя сказать, что он сущее среди сущего, то можно сказать, что он изгой. Изгой мира.

Если мы захотим узнать, как устроен человек, не включенный в природу, а сам по себе, то нам нужно будет обратиться к тому, что в нем ведет за пределы бытия. За пределы того, что есть. В точке предела открывается возможность падение человека в небытие. Именно непрерывно возобновляемая возможность этого падения и определяет существование человека. Животные не выходят за пределы бытия. Человек существует не в природе, а в картине природы, им нарисованной в галлюцинации, в мифе. То есть он существует внутри своих образов и представлений. Но лучше всего нам отказаться от слова существование и сказать, что человек не существует, а галлюцинирует. Можно использовать термин, придуманный Сартром, и сказать, что человек экзистирует.

5. Спор Фуко и Бадью.

В 1965 году Фуко, отвечая на вопросы Бадью, заговорил о появлении в начале 19 века антропологического стиля мышления. Бадью был удивлен этим заявлением Фуко, ибо оно не вписывалось в стандарты привычного понимания философии как онтологии. И тогда Фуко пояснил, что он прежде всего имеет в виду Канта, который во введении в своей «Логике» сформулировал тезис о том, что вся философия сводится к ответу на вопрос что есть человек. Впервые за две с половиной тысячи лет. Бадью говорил: «но ведь и до Канта существовали труды, которые исследовали природу человека.» Но Фуко стоял на своем: «Для меня философия никогда по-настоящему не исследовала вопрос о природе человека.» Но Фуко не сказал, что Кант имел в виду под природой человека.

6. Коперниканский переворот Канта

Язык Канта очень прозрачен, но он излишне педантичен. Есть разные подходы к соотношению чувства и разума. Первый предполагает, что источником разума являются чувства. То есть все, что есть в чувствах, есть и в разуме. Второй вариант: в чувствах есть все, что есть в разуме, кроме самого разума. Кант же говорит, что мы можем познавать в объекте то, что в него вложили. Познание происходит вслепую. Человек – мыслящее, но не разумное существо. И не знаем никогда, каков мир на самом деле, потому что никакого мира нет. И никакой реальности нет. Потому что реальность – это то, что мы объявим реальностью.

Кант понял, что нельзя априорно расширить наши знания о природе посредством понятий. Он говорил, что существует продуктивное воображение априори. «У нас есть чистая способность воображения, как основная способность человеческой души, лежащая в основании всякого априорного познания». Посредством этой способности отождествляется бытие и мысль о бытии. А так же она объясняет, почему предмет познания вращается вокруг человека. Более того, он не отказался от мысли о том, что есть два ствола познания: чувства и рассудок. И оба они коренятся в третьем. А это

третье и есть продуктивное способность воображения априори. То есть галлюцинация. Кант поставил в центр познания человека. Познание по Канту зависит от познаваемого предмета, а от познающего человека.

7. Хайдеггер совершает антикантианский поворот.

«Истолкование трансцендентальной способности воображения как корня. То есть прояснение того, как чистый синтез дает из себя возникнуть обоим стволам. И как их поддерживает, само по себе ведет назад, в укорененность этого корня: к изначальному времени. Лишь оно, как изначальное, творящее-единящее образование будущего, отбывшего и настоящего вообще, делает возможным "способность" чистого синтеза.» На место продуктивного воображения априори Хайдеггер поставил изначальное время. Проблема состоит в том, что никакого изначального времени нет. Об этом недвусмысленно предупредил Парменид. Кроме того, Кант заговорил о существовании внутреннего времени.

Лекция 10. Текст, язык, речь.

1. Текст

Что такое текст? Текст предполагает наличие :

1. Сказанного или написанного
2. Недосказанного
3. Сверх сказанного

Эти три компонента вместе предполагает работу сознания. Еще в тексте обязательно должна быть манера, стиль. То, что укажет на автора, где и как он живет, с кем общается. Надо быть внимательным, чтобы это заметить. Это необходимо и для договаривания сказанного. Человек обязан договаривать текст, иначе это только пересказывание или заучивание текста.

Искусство и человеческая жизнь – это одно и то же. Человек – это художник. Он соединяет реальное и воображаемое. Человеку всегда дано то, чего нет в форме самоотчета. Человек, чтобы он не делал, он воображает. Это путешествие в воображение. Конечно, это может порождать ошибки. Но может позволить найти что-то. Так человек учится видеть. Человек – не разумное, но мыслящее существо. Сегодняшняя философия – это рассказы об опыте самостоятельного стояния в мышлении.

2. К. С. Аксаков Опыт синонимов.

«Было время, когда у нас не было публики...»

Аксаков использует слово «публика». Я использую слово «интеллигенция».

«Возможно ли это? скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было публики, а был народ. Это было еще до построения Петербурга. Публика — явление чисто западное, и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом; выписывает оттуда всякие, и материальные и духовные, наряды, преклоняется перед ними, как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за это огромною ценою: временем, связью с

народом и самую истинною мысли. Публика является над народом, как будто его привилегированное выражение; в самом же деле публика есть искажение идеи народа.

Разница между публикою и народом у нас очевидна (мы говорим вообще, исключения сюда нейдут). Публика подражает.»

То есть публика симулирует. Но симулировать и галлюцинировать – не одно и то же. Чем симулякр отличается от галлюцината? Слово «галлюцинат» придумал поэт Полонский. Галлюцинат дает существование тому, чего нет. И это вход в пространство, называемое сознанием или в целом жизнью человеческой.

«Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что принимает она, чужое, — принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает это своим, усвоит. У публики свое обращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всеобщей; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве — Кузнецкий мост. Средоточие народа — Кремль.

Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ — по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ в русском. У публики — парижские моды. У народа — свои русские обычаи. Публика (большею частью, по крайней мере) ест скоромное; народ ест постное. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету); народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ; народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща; народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике — грязь в золоте, в народе — золото в грязи. У публики — свет (monde, балы и пр.); у народа — мир (сходка). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас — почтеннейшая, а народ — православный.

«Публика, вперед! Народ, назад!» — так воскликнул многозначительно один хожалый.»

Сегодня другие проблемы. Интеллигенции нет. Народа нет. Мы ведем рассеянное существование.

3. Кант. Продуктивное воображение априори.

Возвращаясь к спору Фуко и Бадью, вспомним, что только Кант, по мнению Фуко, «занимался человеком». Кант впервые во введении в *Логик* сформулировал тезис о том, что вся философия сводится к ответу на вопрос что есть человек. В этой работе Кант говорит, что философия – это наука о внутренних принципах выбора между разными целями, то есть наука о последних целях. Для Канта мы не можем понять мир, не понимая факт присутствия в нём человека.

Кант понял, что нельзя априорно расширить наши знания о природе посредством понятий. Мы расширяем наши знания априорно не посредством понятий, а используя априорное продуктивное воображение.

4. Двойная инверсия.

В работах Б. В. Поршнева «О начале человеческой истории» и Ю. М. Бородея «Эротика, смерть, табу: Трагедия человеческого сознания» была сформулирована идея двойной инверсии. В результате первой инверсии происходит взрыв галлюцинаций. Вторая инверсия – это изобретение речи. Поскольку человек галлюцинирует, постольку он отличается от животного. Поскольку он одновременно погружает себя в сон наяву, постольку он не разумен. И речь открывает этому неразумному существу возможность движения к разуму. Речь похожа на искусство соединением воображаемого и языка. Язык – это продукт речи. А общество использует язык как кнут, чтобы дрессировать.

Галлюцинации – это небытие, данное нам в наших ощущениях. И на этом небытии держится все: мифы, театр, живопись и так далее. Но здесь возникает следующая проблема. И то, что у нас есть, дано нам в ощущениях, и небытие дано нам в ощущениях. Но существует второй сенсориум. То есть: чувство самого себя, чувство реальности и чувство времени. То есть мы видим желтый предмет не потому, что он желтый сам по себе, а потому что мы видим его желтым. Взрыв галлюцинаций – это освобождение человека от рефлекторного кольца. То есть взрыв галлюцинаций освободил рефлекторное кольцо человека от внешней причины и назначил человека быть сторожем своего воображаемого.

5. Речь.

Жить – это не значит галлюцинировать. Галлюцинировать – значит не жить. Речь возникает, конечно же, не для коммуникации. Ложь – условие коммуникации. Истина же асоциальна.

Лекция 11. Галлюцинат. Тема видений у Полонского, Шекспира, Гете.

1. Что такое галлюцинат?

Галлюцинат отличается тем, что дает существование тому, чего нет. А симуляция обманывает и подменяет. Каждый из нас существует в сознание своего другого. Я у него, он у меня. Сознание одно. Не для каждого человека. Манера приурочивать сознание к дискретно выделенному телу – это ерунда. Оно одно, но его доопределений бесконечно много. Человек – это доопределение сознания. У тех, у кого недостаточно сознания для осознания, вдруг иногда становится достаточно. Вообще у нас всегда недостаточно сознания. Его достаточно только для обиходных вещей. Сознание нужно только тогда, когда человек начинает изобретать время. Чтобы ориентироваться во времени. А время – это образы, призраки и прочее. Чтобы двигаться среди них, нужно сознание.

Сознание – это свойство жизни во времени. А время – это свойство сознательной жизни человека. Человек – это время, которое вас представляет в виде вашего внутреннего мира. Время не свойство вещей. Сколько людей, столько и замыканий существования человека. И каждому нужно проделать свою работу. А язык при этом дрессировщик. Никакой дух на материю не воздействует. Человеческий мозг не может отличить нарисованный цветок от живого цветка. Для того, чтобы это сделать, необходимо изобрести сознание. А чтобы появилось сознание, нужно, чтобы появилось чувство «я» или чувство самого себя. Сознание появляется у того, кто галлюцинирует. Остальным это чувство не нужно. У человека появляется второй сенсориум. Ни у каких других существ его нет. Никто кроме человека не живет во времени. Хотя и тело человека не создано для сознания. Сознание существует вопреки телу.

Что значит быть в сознании? Это значит быть во времени. Как в современной экономике, которая оперирует еще не созданными объектами. Качает сознание, как нефть. Что значит быть во времени? Это значит бытийствовать тем бытием, которым тебя наделило твое сознание. То есть я думаю, что он есть то, что я думаю о нем, а он думает, что я есть то, что он думает обо мне. Он у меня объект сознания, я у него. И это делает невозможной непосредственную встречу. В том числе и из-за лжи каждого, которая является обязательным условием коммуникации. Отсутствие этой непосредственности нашей встречи делает возможным социум. И это пространство отсутствия непосредственной встречи заполняется языком. И язык становится посредником, замещением инстинкта, социальной связью, которая крадет у человека его настоящее. И предлагает ему либо прошлое, либо будущее.

Но есть одна проблема у языка. Сам по себе язык – это материя. Чтобы его использовать для коммуникации с другим в плане сознания, его нужно соединить с воображением. Язык без речи – мертвая материя. Сам по себе язык ничего не говорит. Говорит человек, но он галлюцинирует. Галлюцинат замыкает свое существование посредством творчества. То есть дает себе возможность быть иным. Но не другому. Другого он превращает в объект своего сознания. И поэтому он всё время обманывается, встречаясь с видимостью понимания. Почему с видимостью? Потому что галлюцинат встречается не с другим, а с самим собой, со своим двойником в виде другого.

В человеке важен не его *animalitas*, а его *hallucinatas*. Последнее обстоятельство меняет не только антропологию человека, но и его онтологию, ибо в мире, в котором живет человек, всегда есть такая сторона, которая существует посредством превращения бытия из нереального предиката в реальный. Нереальный предикат это когда существование чего-то ничего не добавляет к понятию того, что есть. А люди живут иначе. Человек дает существование тому, чего нет. Человек может верить. И нечто существует, потому что мы относимся к нему как к существующему. Реальность – это то, чему мы даем статус вещи. То есть наш мир состоит из того, чему мы дали статус. Это будет называться ценностями. Нет никакой объективной реальности. Люди сами учреждают реальность. И это связано с учреждением времени. Это то ничто, что можно длить в следующий момент времени. Галлюцинация – это то, чего нет. Что существует в данный момент и исчезает, стремиться к нулю. А мы длим это в следующий момент. Так и появляется время. И следовательно реальность.

В составе человеческой жизни всегда есть такие объекты, которые существуют, если к ним относятся как к существующим. *Humanitas* человека в его *hallucinatas*. Увидеть человека таким, какой он есть, значит увидеть, как он извлекает себя из своих галлюцинаций. Поэтому любая объект-объектная онтология оказывается несостоятельной в силу одного этого факта.

Что происходит с галлюцинатом в обществе? Об этом рассказывает Яков Полонский в рассказе «Галлюцинат», опубликованном в 1889 году в книге «На высотах спиритизма».

2. «Учитель музыки» Я. П. Полонского.

В рассказе «Галлюцинат» Полонский описывает свое знакомство с учителем музыки, у которого была одна особенность: он галлюцинировал.

«Вы верите в привидения, — спрашивал его Полонский, — или относитесь к ним, как к призракам вашей болезненности или физического расстройство?»

«Верю, когда вижу, — отвечал галлюцинат, — и пока вижу — не могу не верить...»

Вот у меня в ухе звенит, продолжал рассуждать Полонский, следует ли мне думать, что это звенит в комнате или на улице? Вы слышите, отвечал ему галлюцинат, что происходит в ухе, а не в воздухе, не в комнате и не во дворе. Куда не поворачивай голову — всё звенит в ухе. А тут отвернусь от привидения, не вижу его. Повернусь на прежнее место, опять вижу. Галлюцинат слышал мелодии своих песен, как писатель слышит голоса героев написанных им книг. Но помимо мелодий ему являлся и образ умершей матери. А также старика в мундире.

В своем рассказе Яков Полонский приходит к выводу, что причиной галлюцинации является существование человека в социуме, среди множества других, никто из которых не дан тебе непосредственно. Только в обществе, говорит нам Полонский, возможен обман и самообман. Как образуются социальные травмы? Посредством языка. Тебе говорят одно, а на самом деле всё обстоит иначе. Мне внушала моя мать, говорит галлюцинат, что я князь, а на самом деле я был записан при рождении московским мещанином. Почему, размышлял герой рассказа Полонского, эта запись реальность, а то, что я чувствую себя поэтом, нереальность.

В рассказе Полонского все галлюцинируют и никто не понимает друг друга. Муж не понимает жену, жена — мужа, гости — хозяев.

Где встречается согласие многих? На музыкальных вечерах, посредством общих музыкальных галлюцинаций. У всех есть свой маленький внутренний мир, но талант заметен только у галлюцината.

Автор рассказа пытается его понять. Но на пути к пониманию встречает непреодолимое препятствие: галлюцинат столь же талантлив, сколь эмоционально безобразен. Полонский склонен полагать, что искусство является легитимным пространством человеческих галлюцинаций.

Учитель музыки из рассказа Полонского отвратителен с социальной и моральной точек зрения. Полонского от него тошнит. Учитель пошел и лжив. Свою бесхарактерность он превращает в наглую бессовестную бесцеремонность, которую многие рассматривают как некую силу воли. И тем не менее Полонский признает, что из этой человеческой грязи вырастает цветок необыкновенного таланта галлюцината.

Песни учителя музыки пошли в народ, их поют даже рабочие фабрики, «тогда как создания гениальных музыкантов, — пишет Полонский, — не идут дальше театральных зал и салонов». Социум выбрасывает галлюцината за пределы самого себя и заставляет его существовать вне себя.

В стихотворении «Двойник» Полонский говорит:

Я верить не хотел, что по моим следам, на шаг не отставая,

Идет не человек, не зверь, а мой двойник...

И, не сводя с меня испуганных очей,

Двойник мой на меня глядел с таким смятеньем,

Как будто я к нему среди ночных теней —

Я, а не он ко мне явился приведеньем.

Полонский, как Чжуан Цзы, не понимает, кто из них является привидением: двойник для него или он для двойника. По-иному эту проблему поставил и разрешил Шекспир в «Гамлете».

3. «Гамлет» Шекспира.

С чего начинается «Гамлет»? Драма начинается с призрака, с образа отравленного короля, который жаждет справедливости и ищет встречи со своим сыном, принцем Гамлетом. Но этот призрак иной, нежели призрак у Полонского. Шекспир рассказывает о совершившемся преступлении. У него призрак жаждет справедливости, ибо она одна и в мире вещей, и в мире теней. В рассказе Полонского «Галлюцинат» призрак предотвращает преступление, которое хочет совершить учитель музыки по отношению к семье своего биологического отца. Шекспир социализирует галлюцинацию. Полонский ее антропологизирует. У Шекспира призрака видят даже офицеры ночного дозора. Что говорит Бернардо, пытаясь остановить призрака копьём? Он говорит, что призрак «неуязвим, как воздух».

Роль призрака в «Гамлете» играл сам Шекспир, изображая его как живого человека. Перед стражей призрак появляется в доспехах, в спальне королевы — в «ночном одеянии». Шекспир (равно как и Данте, и Сведенборг) полагает, что в потустороннем мире человек сохраняет свой земной облик. На земле призрак человека по ночам скитается как неприкаянный, а днем живет в огне, пока грехи в нем не будут выжжены до конца.

Призрак видят все, кроме тех, кто совершил преступление. Королева говорит Гамлету:

Нет, что с тобой? Ты смотришь в пустоту,

Толкуешь громко с воздухом бесплотным

и дикостью горят твои глаза.

Гамлет отвечает:

Да вот же он! Туда, туда взгляните:

Отец мой совершенно как живой!

Вы видите, скользит и в дверь уходит.

Отношения между героями в драме Шекспира не опосредованы их галлюцинациями, сознанием. Его герои натурализованы. Они, как манекены, опосредованы их социальными ролями. И только Гамлет позволяет себе открыто галлюцинировать. Размышления, а не социальный статус определяют его поведение. Он видит отца и не может забыть совершенное преступление. «Быть или не быть, вот в чем вопрос», — говорит Гамлет, единственный легитимный галлюцинат в пьесе Шекспира. Шекспир показал, что в мире есть живой человек.

Чем знак отличается от символа? Знак не требует доопределений, он уже определен. Символ требует твоих личных определений.

У Гете, в отличие от Шекспира, призраком является посланник иного мира.

4. «Фауст» Гете.

С кем говорит Гете в «Посвящении» к философской драме «Фауст»? Он говорит с тенями. «Вы снова здесь, изменчивые тени». Что такое тень и почему она изменчива? Тень не имеет локализации в пространстве. Это не вещь, на нее нельзя указать пальцем. Она не существует и поэтому в следующий момент времени не совпадает с собой. Разговор Фауста с тенью раскрывает удивительную способность человека быть *Nomo Hallucinatas*. У тени есть одна особенность. Она беспокоит человека до тех пор, пока не воплотится, не получит существование, не займет свое место в пространстве. А где она

находится до обретения плоти? Там же, где находится всё возникшее в нас до слова. Под дословным здесь имеется в виду то, что не существует, но дано человеку в его галлюцинациях. То есть человек устроен так, что не отличает данность того, чего нет, от того, что есть. Первое — это видение. Второе — тело.

С чего начинается человек? С поисков плоти для данных ему образов. С воплощения каких образов? Тех, которые тревожат нас с первых дней. Если бы они нас не тревожили, не искушали, не испытывали, то никакого искусства у нас не возникло бы. И наскальной живописи у нас не было.

Искусство и есть попытка дать воплощение тому дословному, что терзает нас и мучает. Неважно, будет ли оно воплощением в литературе, музыке, театре или живописи. Какие слова использует Гете для того, чтобы обозначить присутствие тени? Для него это видения, которые надвинулись как дым, как туман. Что эти субстанции делают с нами? Они делают нас слепыми.

«Но вы, как дым, надвинулись, виденья, туманом мне заставши кругозор», — говорит Гете.

Но этот туман одновременно плодотворен, ибо виденья воскрешают картины прошлого, которого уже нет, или будущего, которого еще нет. У кого нет видений, у того нет времени.

«И я, — говорит Гете, — прикован силой небывалой к тем образам, нахлынувшим извне».

Почему извне? Потому что образы и есть наше внешнее, а не вещи. Поскольку человек живет во времени, постольку он прикован к образам. К образам, а не вещам. Для того, кто живет среди образов во времени, открывается пространство вещей. Когда мы прикованы силой небывалой к вещам, мы теряем связь с образами, теряя также связь со временем. Время останавливается. Преодолевая существование, человек экзистенцирует к тому, что дано, к образам. Гете заключает посвящение словами:

Насущное отходит вдаль, а давность,

Приблизившись, приобретает явность.

Давность — это данность. Окруженный образами, человек есть существо, спящее наяву. Философы пытались разрешить проблему соотношения данности и существования тройным образом. Спиноза отказывался от данности и времени. Бергсон

отказывался от протяженного существования. Хайдеггер попытался объединить одно и другое и назвать его бытием. Чтобы объединить то, что дано, с тем, что существует, нужно было данность отделить от человека и приписать ее бытию. Чтобы приписать ее бытию, нужно было бытие заставить грезить. А это невозможно.

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ